

18+

КРИСТОФЕР ПРИСТ

ДЖЕФФ НУН

1984
—
2084

ДЕЗИРИНА БОСКОВИЧ
ДЭЙВ ХАТЧИНСОН
Э. ДЖ. СВИФТ
ЙЕН ХОКИНГ
И ДРУГИЕ

АНТОЛОГИЯ

2084

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40501238

2084:

ISBN 978-5-17-109844-5

Аннотация

Что день грядущий нам готовит?

Как отличить звон колокольчиков от первых звуков колокола, что «звонит по тебе»?

Как отличить полет фантазии от предсказания?

Антиутопия – жанр, получивший в последнее время невероятную популярность. И, вероятно, не в последнюю очередь благодаря тому, что самые мрачные предсказания фантастов имеют обыкновение исполняться. Иногда – почти буквально, как у Оруэлла в зловещем «1984», иногда – частично, как у Замятина, Брэдбери и Хаксли.

Случайность? Совпадение? Но ведь когда-то людей Слова считали пророками, которым иногда, яркими вспышками, открывается будущее. Так может, стоит внимательнее взглянуться в грядущий день, нарисованный воображением современных фантастов?

Содержание

Введение	5
Дэйв Хатчинсон	11
Дезирина Боскович	36
Йен Хокинг	62
Энн Чарнок	86
Конец ознакомительного фрагмента.	96

2084

- © Unsung Stories, 2017
- © ‘Babylon’ Dave Hutchinson, 2017
- © ‘Here Comes the Flood’ Desirina Boskovich, 2017
- © ‘Fly Away, Peter’ Ian Hocking, 2017
- © ‘A Good Citizen’ Anne Charnock, 2017
- © ‘The Endling Market’ E.J. Swift, 2017
- © ‘Glitterati’ Oliver Langmead, 2017
- © ‘Room 149’ Jeff Noon, 2017
- © ‘Percepi’ Courttia Newland, 2017
- © ‘Degrees of Elision’ Cassandra Khaw, 2017
- © ‘The Infinite Eye’ JP Smythe, 2017
- © ‘Saudade Minus One (S-1=)’ Irenosen Okojie, 2017
- © ‘March, April, May’ Malcolm Devlin, 2017
- © ‘Satoshi 2084 AD’ Lavie Tidhar, 2017
- © ‘Uniquo’ Aliya Whiteley, 2017
- © ‘Shooting an Episode’ Christopher Priest, 2017
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Введение

«Как общаться с будущим? Это по самой сути невозможно. Либо завтра будет похоже на сегодня и тогда попросту не станет его слушать, либо оно будет совсем другим, и его невзгоды покажутся пустяком».

Джордж Оруэлл «1984»

Эта книга не о будущем. Со всеми своими атрибутами научной фантастики антиутопии ориентируются на настоящее. Создавая их, мы исследуем наши страхи. Рассказывая эти истории, мы проливаем свет на мир, который видим вокруг, изучаем аспекты невероятной многогранности, в которой живем. Маленький толчок здесь – мимолетная черта усилилась там. Экстраполированная на свой логический вывод задача. Они не содержат ничего такого, чего не существовало бы сейчас.

Антиутопии наиболее эффективны, когда содержат универсальную истину, когда задевают нас за живое. Вот почему роман Джорджа Оруэлла «1984» и сегодня находит отклик у читателя, даже спустя десятилетия описываемого в нем года. Он построен на нестабильности общества, в котором пропаганда одержала верх над истиной. В мире, жестко контролируемом Партией, мы узнаем аспекты нашего настоящего – выдуманные новости, освещающие реальные события, пара-

нойя по поводу чужаков, недоверие к экспертам. То, что когда-то было зафиксировано, становится податливым, субъективным.

Это затрагивает один из существеннейших нюансов наших общественных уговоров – мы сопоставляем информацию, которая является достоверной и надежной, для всеобщего благосостояния. Век Интернета разрушил бесчисленные барьеры между сообществами и позволил создать невероятно мощные соединения. Но Интернет также способен исказить информацию. Оруэлл не предсказывал возникновения Глобальной сети, но понимал, как мы научимся использовать СМИ и как их можно применять против нас.

Но эта книга не о СМИ.

Или, скажем так, затрагивает этот вопрос лишь отчасти.

Средства массовой информации словно гносеологический гравитационный колодец, в котором мы все вращаемся. Это некое двоемыслие, неотъемлемый аспект современной жизни, как соединяющий, так и разделяющий нас. Здесь вы найдете рассказы о том, как люди из разных стран и культур взаимодействуют друг с другом и о влиянии технологий на эти отношения. А также наткнетесь на рассказы об образовании, старении, изменении климата и границах.

Наш мир значительно сложнее, чем тот, который создал Оруэлл. Его мир был мысленным экспериментом, средством – повторим ту же мысль – передать свое виденье тоталитаризма. Его мир был создан в 1948 году, когда наша планета

была того же размера, что и сейчас, но в те дни не казалось, что она вовсю использует рог изобилия взаимосвязи, что является нашей новой нормой.

Средства массовой информации повсеместны, но не всемогущи. И если вы попросите пятнадцать авторов что-то написать на эту животрепещущую тему, ожидайте пятнадцать разных ответов.

Это не книга прогнозов.

Оруэлл ввел идею постоянной войны, ведущейся по всему миру, разделенному на три сверхдержавы и оставшиеся до поры ничейными территориями. Тем не менее демократические правительства в 1984 году все еще существовали, они преобладают даже сегодня. Глобальное политическое единство, осуществляемое в той или иной форме, по-прежнему остается несбыточной мечтой. Многие предсказания Оруэлла оказались ошибочными, но это не имеет значения. Они подобны истинам о человеческой природе, составляющим это видение.

В настоящее время некоторые из них вызывают улыбку. Например, опасения, что к 2050 году Чосер, Шекспир, Мильтон и Байрон будут существовать только в версиях новояза. Вместо этого мы продолжаем творить великое искусство. Мы создаем новые шедевры и обновляем старые в цифровых форматах. Мы начинаем бросать вызов культурной гегемонии колониальной эпохи, медленно продвигаясь к тому, чтобы предоставить слово всем и каждому.

При всех своих недостатках некоторые из предсказаний близки к истине. В сегодняшнем мире не вовлечены в глобальный конфликт всего десять стран. Соединенное Королевство не является тоталитарным государством, где все СМИ строго контролируются, но доверие к СМИ, принадлежащим некоторым невероятно богатым людям, упало до минимума.

Если же рассматривать сборник «2084», его идеи, вероятно, окажутся ошибочными. Или, по крайней мере, их обрамление. Возникает вопрос: какие истины мы найдем в этих рассказах? В них вы увидите страх и одиночество, напрасную суету и неподдельное горе, гнев и вину. Узнаем ли мы себя?

Это вовсе не книга оруэлловских историй.

Что мы имеем в виду под словом «оруэлловский»? Мы используем его для описания антиутопии: факты запрещены, а объективная истина невозможна. Где язык – наш враг, как и наши города, семьи и правительства. Большой Брат следит за вами, довольный тем, как вы приняли этот язык. Двоемыслие. Полиция мыслей. Какая нам польза от старояза?

Оруэлловский. Слово, неспособное олицетворять нежность и надежду, которые мы находим в любви между Уинстоном и Джулией, – точь-в-точь неспособность Океании уничтожить дух рабочего человека. Партия может только вогнать его в нищету. Слова не имеют никакого отношения к миру и красоте леса, к шелесту ветвей, колеблемых ветром за

кадром этого вымороченного общества. Никакой Демагогии, а одна лишь Конкретная речь, которая должна быть многозвучной.

То, что предупреждало нас о силе языка, ослабло. Роман «1984» говорит нам: «Более крупное зло неизменно ускользало из их поля зрения». Червь пожирает собственный хвост. Нет, эти рассказы не будут связаны с оруэлловской Океанией и не будут подражать его неологизмам. Они постараются охватить всю невообразимую сложность нашего мира. Они будут связывать настоящее с будущим и попросят нас принять на себя ответственность.

Мы не планировали это.

Идея этой антологии впервые пришла мне в голову в 2015 году, задолго до референдума о выходе Великобритании из ЕС или президентских выборов в 2016 году в США. Приближалась семидесятая годовщина романа «1984», и наше сознание все еще было переполнено пропагандой. Политика тяготела к правой идеологии. Менялся тон выступлений.

Поэтому мы приступили к работе по публикации этих рассказов и, как это нередко случается с фантастикой будущего, время подчинило нас. Возможно, уместно, чтобы этот проект был задуман в другом мире. Предсказания будущего имеют ограниченный срок годности, при этом отклонение от курса с течением времени только возрастает. И за несколько лет мы все должны пересмотреть наши ожидания.

Эту книгу поддержала кампания сайта «Kickstarter», запущенная в тот же день, когда правительство Великобритании выполнило положения статьи 50, начав процесс выхода из ЕС. Многие люди в Великобритании считают, что это на шаг приблизило нас к антиутопическому будущему, и по всей стране преобладали не поддающиеся классификации проявления ярости, тревоги, ликования, страха, самооправдания и разочарования. Наше маленькое сообщество присматривалось к этим событиям в поисках основного акцента всех этих эмоций. И посреди политического и общественного хаоса создавалась наша маленькая книга.

Мы бы не смогли спланировать ее лучше, даже предприняли еще и еще попытки. Мы чувствуем больше родства в наших сообществах по всему миру, чем когда-либо прежде, и ежедневно играем с силами, немного могущественнее нас. Мы с большой убежденностью действуем в целях построения нашего будущего, но истинные последствия происходящего предсказать невозможно. Мы – творцы во времена невзгод. Мы сопротивляемся грядущей тьме.

В этой книге есть предостережения – было бы неплохо к ним прислушаться.

Джордж Сандисон

Июнь 2017 г.

Дэйв Хатчинсон

Вавилон

Спустя три дня пребывания на воде они натолкнулись на катер береговой охраны. Лоцман, лицо которого почти полностью скрывалось за очками виртуальной реальности, заметил на радиолокационной станции судно и заглушил мотор.

– Спокойно, – прошептал он.

– Кто это? – пробормотал Дауд.

– Какая разница?

Дауд считал, что никакой. Подняв голову, он выглянул из-за носа лодки, но увидел одну лишь крошечную тьму. Ночь была безлунной, звезды спрятались за облаками. Патрульный катер, вероятно, двигался в режиме тишины; было сложно сказать, далеко ли он находится.

Он снова лег на дно и уставился в темное небо, чувствуя, как где-то внизу колышутся большие мощные волны.

– Что будем делать? – спросил он.

– Подождем, – тихо ответил лоцман. – И не будем шуметь.

Дауд закрыл глаза и скрестил руки на груди. Лодка низко сидела в воде и была изготовлена из материалов, определяющихся на радаре как плавучий пивной кег. Они с лоцманом бок о бок лежали на дне, накрытые воощеными брезентовыми чехлами, пахшими камфарой и развеивавшими тепло

их тел в море через тянущуюся вслед паутину полых нитей. Лодка-невидимка, как называл ее Лацис. «Единственная в своем роде. Пожалуйста, не разбейте ее».

Ему стало интересно, где Лацис сейчас. Он представил себе старика, который стоял на пляже побережья Фокеи и смотрел, как Дауд и лоцман выходят в море, затем поворачивают и медленно движутся к линии деревьев, где был спрятан грузовик, на котором перевозили лодку.

– Есть несколько способов это сделать, – размышлял Лацис в их первую встречу. – Мы могли бы посадить вас в малозаметный катер на подводных крыльях, просто прокатить по Эгейскому морю на высокой скорости ночью и доставить туда, где вам необходимо оказаться через несколько часов, но это рискованно. Поэтому не будем торопиться. – Он, казалось, вполне проникся идеей. Его испещренные шрамами руки лежали на столе. Рукава своей застиранной старой синей рабочей рубахи он закатал, были видны тугие мышцы рук. – Мы проберемся в Европу.

Разумеется, Лацис не знал цели этой миссии, и ему хорошо платили, чтобы он не выражал никакого личного мнения, которым позже (почувствуй он в том нужду) мог поделиться с турецкими властями. Дядя Дауда говорил, что старик начал заниматься незаконной перевозкой людей в лихие годы первой четверти века, еще до того, как различные мелкие разлады слились в один большой Кризис. В прежние времена у них были какие-то совместные дела, и Дядя Дауда счи-

тал, что Лацис заслуживает доверия, как никто другой.

Они беседовали в семейной резиденции в пригороде Берберы с видом на Аденский залив¹. За неделю до этого разговора в регион вторглись повстанческие силы, которые некоторое время сражались с правительственными войсками, грабили, сжигали деревни и уходили прочь. Семья постоянно держалась начеку и укомплектовывала рельсотроны², установленные на стенах резиденции (им, как и повстанцам, грозила атака со стороны правительства), и когда Отец и Дядя пришли к нему со своим предложением, Дауд все еще не оправился от ежечасного напряжения последних дней.

– Ты, конечно, можешь отказаться, – сказал ему Дядя, когда они изложили свой план. – Но твое место займет кто-нибудь другой. Возможно, один из моих сыновей.

Дауд вспомнил, как сидел и смотрел на проекцию карты на столе, почти ошарашенный расстояниями, которые нужно было преодолеть.

– У наших друзей в Эр-Рияде есть самолет, – сказал Дядя, продолжив объяснять способ переправы через Персидский залив и сухопутный маршрут через Йемен и Саудовскую Аравию, как будто это была увлекательная школьная экскурсия, а не путешествие через опаснейшие территории на Земле.

– А нет ли у вас друзей в Найроби, у которых был бы са-

---

¹ Залив в Аравийском море.

² Электромагнитный ускоритель масс.

молет? – мягко осведомился Дауд.

– Мы воины, – предупредил его Отец. – Потомки воинов. Не стыди меня в моем собственном доме.

– И Найроби, – добавил Дядя с улыбкой, – находится не в том направлении.

– В наши руки вот-вот попадет великий дар, – сказал Отец. – Мы должны оказаться в нужном месте в нужное время, и обязаны использовать его. Мы изменим мир.

«Миром правят старики», – подумал Дауд, вздрагивая от холода полуночного Эгейского моря и задаваясь вопросом, доживет ли он до того дня, когда присоединится к их числу.

– Уходят, – пробормотал лоцман.

Дауд прислушался, и ему показалось, что он слышит очень слабый и далекий звук двигателей.

– Дадим ему час, чтобы отплыл подальше, – сказал лоцман. – И снова отправимся в путь.

* * *

Чтобы добраться до места назначения, Дауду понадобилась почти неделя. За счет своего тихого каталитического мотора маленькая лодка во время всего пути дрейфовала, но так было задумано. Как сказал Лацис, прямое приближение к берегу на высокой скорости заняло бы всего несколько часов. Это также привлекло бы внимание всех систем дальнего обнаружения, которые европейцы разбросали по всему

Эгейскому морю. Ночью, привязав себя к лодке, Дауд и лоцман по очереди выполняли плавательные упражнения. В течение дня они оставались под одеялом из миметического³ материала, принимавшего цвет морской волны и прятавшего их от спутников и беспилотников. Лодка очищала морскую воду, а под палубой хранился питательный, но без каких-либо деликатесов, месячный сухой паек. От голода они, по крайней мере, не умрут. Фактически, важность сохранения своего веса постоянным закладывали в Дауда практически на каждой встрече, когда они составляли план. «Не буду притворяться, что понимаю это, – говорил Дядя, – но мне говорили, что масса тела очень важна». В то утро, когда на востоке только-только начал разливаться рассвет, лоцман толкнул Дауда ногой и сказал:

– Система дальнего обнаружения.

Дауд сел, поднял край миметического одеяла и посмотрел на волны. Почти полвека Европа укрепляла концентрические границы и буферные зоны, чтобы лучше защитить себя и своих граждан от таких, как он. После финансовых крахов и бесконечных споров о том, какие страны должны отвечать за безопасность, ЕС, в конечном итоге, угрозами заставил государства южной Европы финансировать линию сенсорных буйков дальнего обнаружения, простирающуюся от центра Эгейского моря до египетского побережья и через Среди-

---

³ Миметик – вещество с биологическим действием, имитирующим действие какого-либо вещества.

земное море в Испанию. Они контролировали все сухопутное движение, проходящее между Малой Азией и Ближним Востоком, а также Африкой и Европой. Массово производимые американскими подрядчиками буйки были маленькими и дешевыми, и как все маленькие и дешевые вещи сильно подвергались сбоям. Никто бы не поднял тревогу, если бы контейнер с аппаратурой РЭП, встроенный в узкий киль лодки, отключил бы ближайший буюк и они проскользнули через систему обнаружения. Однако довольно быстро прибыла бы бригада, чтобы его заменить.

– Я ее не вижу, – сказал Дауд.

– На два часа, – произнес лоцман. – Мы почти над ней.

Дауд прищурился и, наконец, обнаружил маленький цилиндрический предмет, подпрыгивающий на волнах. Он был не больше кофейника.

– Ты уверен, что он не может нас видеть?

– Сложно сказать, – ответил лоцман. – Очень скоро мы это узнаем.

Они проплыли мимо буйка, и в течение нескольких напряженных часов отдалялись от системы обнаружения, но, кроме горстки маячащих в отдалении рыбацких лодок и пары проходящих через облака самолетов, ничего не увидели.

На следующий день лоцман сказал:

– Мы на месте.

Под покровом темноты они осторожно подплыли к острову. К берегу было пришвартовано несколько огромных кораблей, светившихся так ярко, что их, казалось, можно было увидеть с околоземной орбиты. Дауд услышал доносившиеся из глубины острова слабые, но отчетливые звуки музыки. За кораблями виднелась линия огней, тянувшаяся вдоль побережья и освещавшая смутные образы собирающихся вокруг гавани и поднимающихся на холмы жителей.

Держась подальше от других кораблей, лоцман обогнул остров. Дальняя сторона казалась более или менее незаселенной. Дауд знал этот остров лишь по картам и фотографиям, но видел его ночью впервые в жизни. Он различал огни двух или трех зданий, расположенных возле поднимающейся из моря огромной темной горы и казавшихся жилыми.

– Береговой патруль, – пробормотал лоцман.

Дауд присмотрелся и увидел фары нескольких транспортных средств, которые медленно двигались вдоль береговой линии. Был слышен звук их двигателей. Вскоре они исчезли из виду, и вновь осталась только темнота и шум омывавшего остров моря.

– Ушли, – произнес лоцман. – Удачи.

Дауд схватил сумку, сказал: «Тебе тоже» – и вывалился из лодки. Вода после теплого миметического брезента ока-

залась невероятно холодной, но он быстро сориентировался и интенсивно погреб к берегу. Позади себя он слышал тихое ворчание двигателя разворачивающейся лодки. Дауд понятия не имел, возвращался ли лоцман в Турцию или намеревался пристать к другому берегу. За все время переправы они не обменялись и парой сотен слов.

Около километра Дауд плыл неторопливо, его сумка, привязанная к тросу, подпрыгивала на волнах позади. Наконец, упершись коленом в песок и гальку, он выполз на берег. Несмотря на регулярные физические упражнения, после недели, проведенной в море, он пока не мог твердо стоять на ногах. Дауд полз, пока не добрался до обломка скалы, укрывшего его от дороги.

Он снял гидрокостюм и спрятал его в щель в камне. На подмышке была застежка. Резко потянув за нее, Дауд услышал какой-то хлопок, и через несколько мгновений, когда костюм расплавился, в нос ударил резкий химический запах. Он вытащил из сумки сменную одежду западного производства: джинсы, футболку, толстовку с капюшоном и кроссовки. Вещи были не новые, но от дорогих брендов. В отдельном кармане лежали документы, удостоверяющие личность – сомалийский паспорт, разрешения на поездки и другие важные бумаги, – но они предназначались только для самых крайних случаев. В первую очередь любая встреча с властями закончится проверкой микрочипа, вживлявшегося в кожу каждого беженца, проживающего на стыке с границей Европы. Без

такого чипа наиболее оптимистичный вариант, на который он мог рассчитывать, – длительная и скверно организованная репатриация⁴, а после – многолетние страдания от сардонически выраженного недовольства своего Отца и Дяди. Лучше не рисковать понапрасну.

В течение последних 50 лет иммиграционная политика ЕС в отношении беженцев, спасающихся от хаоса, творящегося в Африке и на Ближнем Востоке, заключалась в том, чтобы как можно скорее решить эту проблему в своих северных странах. Они устанавливали заграждения из колючей проволоки вдоль южной границы и закрывали доступ в маякующий беженцев центр континента.

Греция и Турция оказались по другую сторону баррикад – первая была слишком измучена финансовым и политическим кризисом, чтобы жаловаться, а последняя все так же раздражена нереализованной перспективой членства в ЕС и не собиралась ничего предпринимать, чтобы угодить Брюсселю. Эти страны выступали эффективными барьерами, на которых бесконечный поток людей можно было остановить, собрать до кучи, обработать и репатриировать. Это оказалось трудоемкой задачей и, вероятно, единственной развивающейся индустрией в Греции. Между тем итальянцы, чуть более зажиточные, но на самом деле не намного, покупали американские беспилотники и организовывали круглосуточ-

---

⁴ Возвращение на родину. Термин обычно употребляется в отношении военнопленных, перемещённых лиц, беженцев, эмигрантов.

ные патрули вдоль края своих территориальных вод, выпуская ракеты во все, что их не устраивало. Европейцы превратили свой континент в крепость, но в каждой крепости есть потайные уголки и трещины, в которые тщательно подготовленный человек может проскользнуть.

Дауд достал из сумки небольшой рюкзак со сменной одеждой, потрепанной книгой в мягкой обложке, набором средств для выживания и несколькими другими вещами. Свернув водонепроницаемую сумку, он засунул ее в рюкзак, закинул его за плечо и начал осторожно пробираться по берегу. Добравшись до дороги, он присел в кустах и, убедившись, что машин поблизости нет, быстро перешел на другую сторону и начал подниматься по склону.

* * *

– Знаешь, я не в силах назвать ни одной причины, по которой не мог бы просто полететь туда напрямую, – сказал Дауд Дяде.

Дядя вздохнул.

– Потому что, когда ты будешь проходить иммиграционный контроль, тебе вживят микрочип, и они будут знать, где ты находишься. Весь смысл этих маневров в том, что они не узнают, как ты туда попал.

Дауд посмотрел на Дядю и Отца. Эти двое стариков когда-то обладали немалой властью. Не публично, а оставаясь в

тени. Своими силами и упорством они создали сеть разведки, которая охватывала большую часть Африки и протягивала щупальца в южную Европу. Дядя любил говорить, что разведывательная работа существует независимо от всех временных соображений, а падение предыдущего правительства, назначение новой службы безопасности и их нынешнее состояние домашнего ареста вряд ли их удерживали. Им не разрешалось покидать резиденцию, но они все так же бодро дестабилизировали небольшие государства и обеспечивали подходящие условия для диктаторов с другой стороны континента, и никто не мог их остановить.

– Ты должен быть сильным, – сказал Отец. – Поездка – лишь малая часть этого предприятия.

– Я не боюсь, – ответил ему Дауд.

– Тогда ты идиот, – произнес Дядя. – Или лжец. А нам такие не нужны.

Дауд встал, подошел к окну и посмотрел на территорию резиденции. У него была огромная семья, многие члены которой работали в разведке с Отцом и Дядей и впоследствии решили отправиться с ними во внутреннюю ссылку. Его страна очень долго находилась в стадии конфликта. Говорили, что многие на Западе думали, что фраза «охваченная войной» является частью ее названия. Охваченная Войной Сомали, где даже ее население не могло с уверенностью сказать, кто руководил страной или даже вообще было ли такое руководство. Его Отец и Дядя создали семью, чтобы

держаться в стороне от подобного. Ни бог, ни племя, ни преданность не были им указанием. Их обучали внедрению, саботажу, диверсиям. Старейшины семьи смотрели на их работу, видели, что у них хорошо получается, и отводили взгляд на север, на бурлящий хаос Йемена и множество мелких безостановочно вздоривших между собой эмиратов, оставленных Саудитами, которые сбежали в Париж во время переворота. Для богатых не стоило большого труда попасть в Европу – полет на реактивном самолете, и какой-то мелкий бюрократ уже ждет у взлетной полосы на другой стороне и держит в руках визы длительного пребывания и, возможно, приветственную бутылку шампанского «Круг». Разумеется, для большинства все было не так просто.

Шестнадцатилетний, почти двухметровый Дауд отвернулся от окна. В своем возрасте он умел взламывать правительственную коммуникационную сеть, говорить на четырех языках, разбирать десяток различных типов шуруповых винтовок в боевых условиях, мог приготовить стандартную ресторанную еду, цитировать Кольриджа и убить человека свернутой в рулон газетой. Ему было нелегко признаться, что он боится. Его обучали быть *способным* почти с того момента, как он начал ходить. Страх перед чем-либо означал сомнение в его собственной *способности*. Страх был первым шагом к провалу.

– Если вы поможете мне добраться туда, я сделаю это, – сказал он. – Не нужно во мне сомневаться.

Двое стариков обменялись взглядами, а затем посмотрели на него.

– Иди попрощайся с братьями и сестрами, – сказал Отец. – Ты отправляешься после обеда.

* * *

После стольких рассветов, проведенных на качающихся волнах Эгейского моря, это утро было почти религиозным обрядом. Или могло бы им стать, если бы Дауд был хоть немного религиозным. Он присел на высоте половины склона горы, возвышавшейся в центре острова, и смотрел, как на востоке разливается свет, открывая фантастический вид на море и разбросанные острова. Далеко на горизонте виднелось размытое темное пятно, которое, по его мнению, могло быть турецким побережьем. Солнце, поднимающееся над краем света, казалось, на миг заставило вспыхнуть море яркими цветами.

Отсюда он мог видеть на много километров вдоль прибрежной дороги. Похоже, люди на этой стороне острова бывали нечасто. Вероятно, причиной этому служила плохая каменная почва. Здесь также не было естественных гаваней. История и география заняли всего десять или пятнадцать километров на другой стороне и не считали нужным распространяться дальше. До этого момента, не считая берегового патруля, совершающего свой ежечасный объезд, он видел

лишь несколько транспортных средств.

Немного выше по склону раскинулась небольшая рощица низкорослых и потрепанных деревьев. Походив между ними, Дауд нашел подходящее место и начал отодвигать большие и маленькие камни в сторону, пока не добрался до почти бесполезной почвы. Затем аккуратно вырыл ямку глубиной в несколько сантиметров. Убедившись, что она достаточно глубока, он присел, расстегнул рюкзак и достал небольшой прозрачный флакон. На дне дребезжал тусклый металлический предмет примерно того же размера и формы, что и семя подсолнечника.

Он вспомнил, как Дядя дал ему флакон. На нем были защитные перчатки.

– Множество ботанов, – серьезно сказал ему Дядя, – погибло, чтобы предоставить нам эту информацию.

Это была семейная шутка, но в ней скрывалась мораль: разведка всегда требует определенных затрат. Дауда и его братьев и сестер учили не относиться к разведывательной информации легкомысленно и помнить, что это не просто слова, цифры, фотографии и видео.

В этом случае так и было. Чтобы Дядя мог передать ему флакон, умерли люди. Об этом стоило помнить.

Его предупредили, чтобы он не касался семени, – внутри флакона было какое-то защитное покрытие, – поэтому он просто снял колпачок и перевернул его над ямкой. Семя упало на землю рядом с краем отверстия. Вокруг него начала

виться слабая струйка дыма. Вздохнув, Дауд огляделся, нашел веточку и, столкнув семя в ямку, засыпал ее землей и присел на корточки. Держа веточку перед лицом, он прищурился и увидел, что ее конец как будто был обглодан. *Пока еще* обглодан; под взглядом Дауда, он, казалось, исчезал в крошечном облачке тумана. Воткнув веточку в землю над ямкой, он отошел на несколько метров, устроился под засохшим деревом и посмотрел на часы. Дядя сказал, что нужно ждать двенадцать часов. Во всяком случае, они располагали такими разведанными. Здесь они имели дело с Тайной, и могли быть различные варианты. Дауд прислонился спиной к дереву, настроил будильник и закрыл глаза.

* * *

– Это оружие колоссальной мощи, – сказал ему Дядя. – По нашим данным, оно было разработано северными корейцами, которые заинтересовались технологиями, запрещенными на Западе.

Дауд сидел на диване в гостиной главного дома и читал на планшете технические характеристики вещи, которую доставили прошлой ночью. Он взглянул на Дядю и Отца и сказал:

– Северная Корея.

– Да, мы знаем, – откликнулся Отец. – Последний нейрожай убил более миллиона человек, и они до сих пор рабо-

тают над подобными устройствами, – добавил он, кивая на планшет.

По мнению Дауда, а также большинства людей в мире, Северная Корея попала в котел неуправляемых социальных экспериментов, возглавляемых непредсказуемой династией Ким. Почти 30 лет в страну не пускали ни одного жителя Запада, а то, что выяснила разведка, представлялось в форме безумных слухов о генетических экспериментах, людях-гигантах, обезьянах, которые научились управлять машинами, собаках, способных вести беседы на обыденные темы и прочем в том же духе. Можно было отрицать наиболее противоречивые из слухов и всё же слышать неправдоподобные рассказы о возможном нанесении ядерного удара Северной Кореей в начале двухтысячных, которые выглядели беспочвенными и не вызывали опасений. Поговаривали даже, что все ядерные державы планеты хоть одну боеголовку да направляли на Пхеньян.

– Как это попало в наши руки? – спросил он.

Отец вздохнул и склонил голову набок.

– Если это правда... – сказал Дауд, показывая на экран планшета. – Мне кажется, я ведь имею право спросить?

– Его украли, – ответил Дядя.

– Ну, ясное дело.

– Несколько раз, – добавил Отец.

– По нашим данным, первоначально оно было украдено

с объекта вблизи Канге⁵, недалеко от китайской границы, – продолжал Дядя. – Как это произошло, мы не знаем. Кое-кто шутил, что его предложили продать китайским спецслужбам, но продажа так и не состоялась, и этот предмет выпал из поля зрения. Несколько месяцев спустя он появился в Японии, где северокорейская разведслужба, похоже, предприняла попытку его вернуть.

– Жестокая перестрелка, – добавил Отец. – Было много жертв.

Он покачал головой. В их мире стрельба была признаком катастрофического провала методов разведки. Весь смысл шпионажа заключался в том, что никто не должен узнать, что вы находитесь в том месте, куда вас отправили.

Дядя пожал плечами.

– По нашим данным, в следующий раз оружие появилось в... Дамаске, – сказал он, выдержав небольшую паузу, прежде чем произнести название города. – Несколько разных групп джихадистов выказали интерес в покупке, но внезапно у кого-то иссякло терпение, и представитель продавцов оказался в одном районе города, а его голова – в другой.

– Дальнейший путь оружия нам неизвестен, – продолжил Отец. – Мы знаем лишь, что в итоге оно попало в руки ячейки джихадистов, и подозреваем, что они его украли, поскольку у них, разумеется, не было средств на покупку.

– А мы украли его у них, – сказал Дауд.

---

⁵ Город в провинции Чагандо, КНДР.

– Да.

– Эта вещь проклята, – произнес Дядя. – Каждый, кто когда-либо ее касался, умирал в страшных муках.

– Я более склонен приписывать эти смерти человеческой жадности и глупости, чем чему-либо сверхъестественному, – рассуждал Отец. – Ведь мы не жадны и не глупы. Мы будем более осторожны.

* * *

Дауд открыл глаза и, храня неподвижность, осмотрел местность. Приближался вечер, и солнце ярко освещало склон холма. Далеко внизу море пересекала большая белая линия круизного корабля, направляющегося в сторону Турции. Немного дальше по склону стоял смотревший на него костлявый козел. Часы Дауда еще жужжали, и он выключил будильник.

Повернув голову, он увидел неровную яму, куда зарыл семя. Напряженно вглядываясь, он искал признаки поднимающегося над ней пара, но ничего подобного не заметил.

Дауд вскочил и подошел к яме. Она была достаточно большой, туда легко поместились бы его голова и плечи. Камни и скалы вокруг нее казались полурастаявшими, почти превратившимися в стекло. Он бросил в яму рюкзак. Глубина была довольно значительной, поскольку звук удара об дно он услышал лишь спустя несколько мгновений. Затем он сел,

свесил ноги за край и скользнул внутрь.

Стены ямы были гладкими на ощупь. Упершись и расслабив колени и локти, он смог падать постепенно, но внезапно ноги беспомощно разъехались в открытом пространстве, и он потерял опору. Пролетев несколько метров вниз, он приземлился на ровную поверхность, как парашютист, легко справляющийся с ударом о землю, и огляделся.

Дауд оказался в полусферической комнате около десяти метров в длину и пяти в высоту. Пол и стены были гладкими и блестящими и мерцали тусклым светло-синим светом. Отверстие на потолке выходило в яму. Посмотрев вверх, он увидел крошечный круг неба и пришел к выводу, что находится на глубине не менее двадцати метров.

В самом центре комнаты находилось семя, превратившееся в жирную каплю размером с шестилетнего ребенка. Она имела идеальный голубой цвет безоблачного летнего неба Средиземноморья, и, наклонившись, Дауд увидел, что ее поверхность покрыта сетью тонких черных линий, похожих на кракелюры⁶ на древнем фарфоре. Поверхность, как он понял, тоже очень медленно двигалась. Или, может быть, это просто черные линии, – трудно было сказать наверняка.

Дауд сел рядом с каплей и огляделся по сторонам. «*Я не боюсь*», – говорил он, но сейчас боялся. Он подумал, что Дядя бы это одобрил.

---

⁶ Трещины красочного слоя или лака в произведении живописи или любом другом лакокрасочном покрытии (напр., на стальных автомобилях).

– Это называется нанотехнология, – объяснил Дядя. – Я слишком стар, чтобы в этом разбираться. Я не понимаю, как машина может быть такой маленькой с виду, но все же работать.

– Тот, кто ее разработал, по-видимому, сделал невероятный прорыв в науке, – добавил Отец. – Вообще, ходят слухи о том, что за основу был взят разбитый космический корабль, принадлежащий инопланетной цивилизации.

И все они смеялись над этим, но теперь, сидя рядом с машиной, Дауду было не до смеха. Насколько им было известно, эту машину никогда прежде не испытывали. Все, что они знали, так это то, что она предназначалась для действия. Западные разведывательные службы, узнай они о ней, – и он предположил, что они знают, – наверное, сошли бы с ума, рыская тут и там в попытках ее найти. Она была самой опасной вещью на Земле.

Быстрыми движениями Дауд снял одежду и снова сел рядом с машиной. Он глубоко вздохнул, положил руку на гладкую поверхность капли и легонько нажал. После кратковременного сопротивления рука до локтя погрузилась внутрь, и он пошевелил ею в теплом веществе, которое казалось одновременно мокрым и сухим. Кожу руки слегка покалывало, а затем она онемела. Онемение поднялось до плеча и внезапно охватило все его тело. Пока он боролся с паникой и непреодолимым желанием вырваться из машины, онемение дошло до головы, и он рухнул на пол.

Они сказали Дауду, что он не будет видеть сны, но, так или иначе, он их видел. Ему снилась мама, которая умерла в результате теракта-самоубийства в Могадишо, когда ему было четыре года. Ему снились братья и сестры. Ему снились Отец и Дядя, которые потратили большую часть своей жизни на планирование этой операции, до конца не осознавая, что в один прекрасный день получат то, что на самом деле приведет к ее осуществлению.

Со временем дыхание Дауда замедлилось, а затем полностью остановилось. Сердцебиение утихло. Машина вырастила в его теле тонкие усики, передающие кислород в мозг. Его кожа загрубела, становясь жесткой и все более плотной до тех пор, пока его черты не исчезли. Два дня спустя он лежал в безликом черном коконе. Внутри кокона энергично работали крошечные машины, разбирающие его на микроскопические части. Пока ему снился рассказ Дяди о Европе и ее многолетней войне против людей, которые *не были* европейцами, его мозг плавал в густой смеси клеток и неистово работающих нанотехнологических штук.

– Мечта гусеницы стать бабочкой столь же иллюзорна, – говорил ему Дядя, – что и память бабочки о пребывании в теле гусеницы.

Над его головой постепенно закрывалось отверстие во

внешний мир.

* * *

Дауд открыл глаза, сделал глубокий вдох и, не двигаясь, подвел итоги. Он чувствовал себя тепло, комфортно, чувствовал себя хорошо отдохнувшим. Ничего не болело. Он согнул пальцы рук и ног, и, кажется, все функционировало. В какой-то момент машина отпустила его руку.

Очень медленно и осторожно Дауд сел и испытал внезапную волну дезориентации. Ноги, попавшие в поле его зрения, были белыми как мука. Он пошевелил пальцами, и, казалось, он их контролирует, но это были не его пальцы. Он поднял руки и поднес их к глазам. Они были тонкими и белыми, с аккуратными розовыми ногтями. Он перевернул кисти рук и посмотрел на ладони.

– Они не признают нас, – говорил ему Дядя, – потому что мы другие. Мы не они. Мы не похожи на них. Они не обратят внимания на цвет нашей кожи, если у нас будет достаточно денег или то, чего они хотят, но мы всегда будем разными. Мы никогда не сможем пройти по их улицам без того, чтобы на нас кто-нибудь не набросился с кулаками или не взглянул с подозрением, что на нас надет пояс смертника.

– Это устройство – инфильтрационное оружие, – сказал Отец. – Полная маскировка для глубоко законспирированного агента. Мы считаем, что северные корейцы, возможно,

намеревались использовать его, чтобы затопить Запад оперативниками – и действительно, если существует более одного прототипа, они, возможно, уже делают это. Для нас это дверь в Европу. Для тебя, для твоих братьев и сестер. Для наших людей.

Пошатываясь, Дауд встал (с его точки обзора все казалось на несколько сантиметров ниже) и осторожно, на чужих белых ногах подошел к рюкзаку. Он достал зеркальце, поднес его к лицу и увидел незнакомца. Голубоглазое лицо, обрамленное копной светлых волос. Он моргнул, и эти голубые глаза тоже моргнули. К этому нужно было как-то привыкать.

Машина неподвижно стояла посередине комнаты, теперь ее работа была выполнена. Он подумал, что она, вроде бы, стала меньше, но не мог знать это наверняка.

Дауд оделся. На мгновение, пока он завязывал шнурки кроссовок, его настолько заворожил вид собственных рук, что он забыл, что делает. *«Я тот же человек, – сказал он себе. – Это лишь косметические изменения. Как после стрижки».*

Но это было не как после стрижки. Если полученной им информации можно верить, то довольно значительная часть его генетического кода была переписана. Он больше не тот, кем был раньше.

– Если бы ты приблизился к границе в таком виде, как сейчас, – говорил Дядя, – тебя бы моментально развернули. Как и всех нас. Европейцы болтают о рабочих местах, эконо-

мическом давлении и росте населения, но правда в том, что мы им не нужны, потому что мы разные. Их вполне устраивало править нами на протяжении столетия или двух, но теперь, когда мы правим собой сами, они не хотят видеть нас на улицах своих городов.

Хотя отверстие в потолке закрылось, пока он спал, в одной из стен комнаты появилось другое. Оно было довольно высоким, и когда он присел, то смог в него втиснуться. Оно вело в узкий туннель, который постепенно поднимался и спустя несколько минут усилий заканчивался на склоне холма.

Дауд вышел из туннеля и увидел, что снаружи идет дождь. Шквалы сильного ветра мешали обзору. Он посмотрел на часы и обнаружил, что с тех пор, как он положил руку на машину, прошло четыре месяца. Наступило другое время года. Он словно совершил путешествие во времени.

– Отправляйся в какую-нибудь европейскую глушь и создай условия для нас, – сказал ему Отец. – Когда ты пройдешь процедуру, мы отправим кого-нибудь другим путем, чтобы подготовить для тебя новые документы, удостоверяющие личность. Когда ты будешь готов, мы отправим других. По одному, два, три за раз. Если мы будем на них похожи, то сможем беспрепятственно между ними находиться. А если мы сможем между ними находиться, то сможем найти путь, ведущий к власти.

– Мы произведем изменения, – говорил Дядя. – Касательно народов Юга была допущена большая ошибка, и теперь

народы Севера отгородились от нас стеной. Мы это исправим. Это может длиться поколение, а то и два или даже три. Но мы снова откроем границы, и наш народ будет свободен.

Дауд достал из рюкзака телефон, отправил Дяде сообщение, что все в порядке, изменения произошли, и под дождем начал спускаться по склону, чтобы найти себе работу в этом новом мире.

Дезирина Боскович

А вот и потоп

Бабушкина судебная повестка придет в первую неделю марта. Мы ее ждали, но, похоже, дело обещает выдаться серьезным.

Бабушке восемьдесят один год. Она не всегда понимает, что происходит в мире, но разбирается в судебных процессах. Ей нравится сидеть в своем кресле-качалке и смотреть на заседание суда. Иногда она что-то кричит, на кого-то ругается или невнятно бормочет, обращаясь к экрану. Но в основном она просто качается в кресле и смотрит. Ей нравятся рассказы подсудимых. Она говорит, что они напоминают ей о лучших днях.

Текст повестки вспыхивает одновременно на каждом экране в квартире: *«Народ против Хейли Уилсон по обвинению в преступлении против человечества».*

– Это будет отличное дело, – горячится бабушка. – Вот увидите. Они все увидят! Ублюдки. Я им покажу.

Моя мама закатывает глаза, берет пульт и переключает текст повестки.

– Хорошо, мама. Ты им покажешь, – говорит она и возвращается к своей игре.

Мама живет с бабушкой пятьдесят четыре года. Вероятно,

она не может дожидаться, когда та умрет.

– Я стану знаменитой! – восклицает бабушка. – Вот увидите!

– Вряд ли, бабушка, – говорю я. – Мало кто попадает на популярные шоу. Большинство залов судебных заседаний за одну передачу принимают только нескольких зрителей.

– Почему, черт возьми, нет? Знаешь, я так же важна, как и все. Я совершила столько же, сколько многие самозванцы.

– Преступлений против человечества? – спрашивает мой муж Арнав с кухонки, где готовит обед для семьи.

– Да, преступлений против человечества. Знаете ли, я выполнила свою часть работы, чтобы вывести из игры этих «диписов». Я даже застрелила нескольких. Тогда у нас еще были винтовки AR-15!

– Я просто не хочу, чтобы ты питала напрасные иллюзии, – говорю я. – Большинство залов суда попросту скучны. Ничуть не похожи на те, что ты видишь по телевизору.

Бабушка фыркает, все так же полностью игнорируя меня, и ищет свое любимое судебное шоу.

Мы с Арнавом переглядываемся и закатываем глаза. *И к чему эти попытки?*

То, что нужно для жизни в квартире на 90 квадратных метров с четырьмя поколениями твоей семьи: если вы начинаете ссориться всякий раз, когда злитесь, то крик никогда не прекратится, – поэтому лучше почаще закатывать глаза.

– Постарайся, девочка, – бормочет бабушка экрану, на ко-

тором по залу суда мечется еще одна восьмидесятилетняя бабка, пытаясь разъяснить детям то, что они никогда не поймут.

* * *

Через несколько дней происходит очередная атака группы «ДисПер»⁷.

«Дисперсы» пробрались в город через один из туннелей для отходов и взорвали бомбу на электроподстанции. Радиус взрыва был небольшим, и «дисперсам» удалось отключить свет только в одном узком секторе города, но на тех низких уровнях любое нарушение структуры может стать невероятно опасным. Мельчайшие линии разломов могут привести к катастрофе.

Оставь эти трещины не заделанными, а линии разломов без контроля – и через поколение мы будем погребены под шестью этажами щебня.

Я работаю инженером, как мой отец.

Мою команду вызвали на подстанцию, чтобы оценить ущерб. Если в итоге власти города смогут выделить достаточно средств, нам поручат ее ремонт.

А пока – сделайте пометки, снимки, загрузите данные в свои устройства и дайте оценку, какой вред мы сможем наи-

---

⁷ Disperse (англ.) – рассеивать, развеивать. «Дисперсы» – «Рассеиватели».

более безопасно игнорировать.

Большая часть фундамента находится в ужасном состоянии. Стены далеко не безопасны. Туннели для отходов разрушаются в критических точках. Ущерб, наносимый водой во время приливов и ураганов, ухудшается с каждым годом. Слишком много дыр.

Несомненно, «дисперсы» смогли пробраться внутрь только из-за существующих повреждений. Когда мой папа был молод, инженерам не приходилось иметь дело с такими вещами.

Мой отец рано ушел из команды. Сейчас он в основном занят тем, что пьет с утра до вечера.

Во время нападения «дисперсы» собирались убить себя, но им это не удалось. Их поймала охрана: это были молодые женщина и мужчина, примерно нашего с Арнавом возраста. Их судебное разбирательство также не за горами.

* * *

Вечером, когда я, пропахшая с головы до ног отходами и плесенью, добралась домой, Арнав пребывал в самом приподнятом настроении за последние несколько месяцев.

Нападение группы «ДисПер» во всех новостях. Запыхавшиеся репортеры дают комментарии недавнему террористическому акту. На экране бесконечно вспыхивают фотографии «дисперсов»: оба с каштановыми волосами и голубыми

глазами, с безумными, кривыми усмешками и кожей, загорелой под палящим солнцем.

– Угадай, что, Наталья? – спрашивает Арнав, а затем отвечает, прежде чем я попыталась угадать. – Они будут у нас! Моему суду повезло. Это грандиозно!

Арнав проводит социальную пиар-кампанию и обеспечивает информационную поддержку для одного из предстоящих судебных шоу. Наконец, у него появилось нечто захватывающее – это может сделать их судьей настоящей звездой.

– Молодец! – Я даю мужу «пять». Я измучена и обессилена, но новости меня подбадривают. Быть может, если все пойдет как надо, Арнав даже получит повышение...

Бабушка и мама не замечают нашего ликования, они слишком заняты поглощением каждой омерзительной детали новостей. Мой четырехлетний племянник смотрит вместе с ними.

– У меня есть что показать этим «диписам», – говорит бабушка. – Эти сукины дети любят воевать. Разумеется, все они вскоре передохнут, но пока они сильны.

– Ради бога, мама, следи за языком! Ты можешь перестать называть их «диписами»? – восклицает моя мама. – Ты говоришь как дикарка.

Мой племянник хихикает.

– Дикарка! Дикарка!

– А что, мне называть их «дисперсами», как все остальные зомбированные босяки? – вопрошает бабушка. – Я называла

их «диписами» еще до вашего рождения. Мне плевать, если люди вдруг подумают, что это *оскорбительно*.

– «Дипи», – истерично смеясь, лепечет мой племянник. – Мы ненавидим «диписов».

– Тише, Джоуи, – говорит моя мама. – Это некрасиво. Теперь мы называем их «дисперсами».

– Мы ненавидим «дисперсов», – поправляется Джоуи, светясь от радости. – Я их убью. Застрелю всех «дисперсов» из AR-15.

Мне нужно отсюда убираться. Я смотрю на Арнава. Он смотрит на меня.

– Мы пойдем погуляем, – говорю я, но мама и бабушка даже не слышат, они всецело поглощены экраном.

* * *

Парк, в который мы с Арнавом убегаем, на самом деле довольно приятное местечко.

Мы сидим у фонтана, слушаем чириканье птиц и смотрим на искусственное небо и плывущие по нему 3D-облака. Небо – всего-навсего потолок, над ним гораздо больше уровней города, но это лучше, чем ничего.

Мы потеряли наши ручки, наших птиц, наши небеса, променяв их на укрытие из толстых стен.

Мы не помним мир, в котором была погода. Внутри мы в безопасности, здесь нет наводнений, пожаров и паляще-

го солнца. Обугленных лесов, бушующих ураганов, иссохших холмов. Сюда прибывают вынужденные покидать свой дом, голодные, испытывающие жажду, нуждающиеся, больные люди.

Во времена бабушкиной молодости этот город пережил первую (после наводнений) и вторую (после засухи) волну климатических мигрантов. Затем началась третья волна, спасающаяся от нескончаемых пожаров, бушующих на севере, и люди сказали «*Хватит*». Они возвели стены и купол и закрыли границы.

Но не учли одного.

Этот город был построен на побережье. Не у кромки воды, как многие другие. Не на уровне моря, как уже исчезнувшие большие города. Но настолько близко к воде, что в предыдущие века сюда могли приходить и уходить корабли с сокровищами, превратившими мир в тот, каким он является сейчас.

На планете все так же становится жарче. Уровень вод все поднимается.

Каждый год океан немного приближается, все чаще и с большей жадностью откусывая от промокших стен города, за которыми наши родители, бабушки и дедушки оставили на произвол судьбы всех переселенцев.

– О чем ты думаешь? – спрашивает Арнав.

Он смотрит на двух маленьких детей, играющих с собакой-роботом, и их родителей, сидящих на изумрудном пар-

ковом газоне и смеющихся над выходками своих проказников.

– Да ни о чем. А ты?

– Мы скоро узнаем, – говорит он и сжимает мою руку. – Победителей лотереи объявят в конце месяца.

– Да, – говорю я. – Да, мы узнаем.

Я стараюсь не думать об этом. Я больше не хочу разрушать свои надежды.

Каждый год, с тех пор, как мне исполнилось двадцать два, мы играем в детскую лотерею. Нужно начинать пораньше; лучше слишком рано, чем слишком поздно.

– Ты нервничаешь?

– Конечно.

Я ждала пять лет, и мое желание выиграть настолько сильно, что я не могу прекратить думать об этом. Мой брат с женой сделали это с первой попытки. Как кому повезет. Вот и все.

Арнав прижимает меня к себе и целует в макушку.

– Не волнуйся. Мы выиграем. Если не в этом году, то в следующем. Скоро.

* * *

Прибывающая огромная волна заливает еще одну подстанцию. Устаревшее оборудование шипит и скрипит, мокрые электрические цепи трещат и хлопают. На этот раз во-

да поднимается до двадцати сантиметров. Они будут ждать, пока она отступит, прежде чем смогут снова запустить подстанцию. Они делали так раньше.

На этот раз вода отходит на восемь сантиметров и останавливается. Еще слишком влажно. Они не могут рисковать – как оборудованием, так и рабочими, – поэтому решают навсегда закрыть этот узел, чтобы не вышло беды.

Мою команду отправляют на поиски альтернативных местоположений или способа повысить электроемкость другой, уже и так перегруженной донельзя подстанции.

На внешней поверхности купола есть солнечные батареи. Но все электричество до сих пор подается через главные станции.

Мы с коллегами исследуем сеть, ища способы получить больше возможностей от изношенных систем. Все чрезмерно. Все выходит за рамки. Ничто не может работать более интенсивно, чем уже работает.

В то же время политики – публичные лица городской инфраструктуры, которые создают таким скромным инженерам, как я, скверную репутацию – объявляют, что нам нужно затянуть энергетические пояса, пока не будет найдено долгосрочное решение.

Более жесткие энергетические ограничения означают меньшее количество времени, проведенного у экрана. Значит, дома меня ждет то еще шоу.

Я застаю ссору. Мама и бабушка спорят о том, какое судебное шоу смотреть. У них разные предпочтения. Теперь у них есть возможность посмотреть лишь одну программу.

Мама думает, что ограничения электроэнергии связаны с террористами и диверсиями, проведенными ими на прошлой неделе.

– Я просто не понимаю, почему мы продолжаем мириться с этим! – жалуется она соседке, которая зашла посплетничать о несправедливости происходящего. – «Дисперсы» с каждым годом становятся все наглее! Они переходят все границы.

– Это не из-за «дисперсов», – начинаю я, наверное уже в сотый раз. – Они не имели к этому никакого отношения. Это вода...

– Это все «дисперсы», – убежденно говорит мама. Одним из исключительных качеств моей матери является твердая уверенность в том, что она знает больше, чем я. Даже, например, о том, что я делаю профессионально, в частности о моей постоянной работе. – Я слышала об этом в новостях. Говорили, что «дисперсы» своими бомбами устроили на электростанции диверсию. Наверное, мы просто дадим им уничтожить нашу цивилизацию. Кто-то должен что-нибудь сделать!

– Я скажу тебе, что нужно сделать... – начинает бабуш-

ка. – Когда у нас еще были AR-15...

– Это была другая подстанция, – объясняю я, призвав на помощь все запасы терпения. – Мы все исправили. Это случилось из-за приливов. Вода повреждает оборудование, и оно становится очень опасным, потому что...

– Поверь мне, – говорит мама. – Это было в новостях. Кто-то из нас любит быть в курсе событий.

Бабушка воспользовалась возможностью захватить контроль над экраном, на котором женщина-судья с оригинальной прической отчитывала взволнованного восьмидесятилетнего старика. Ел ли он мясо? Да или нет?

«Да, но...»

Нравилось ли ему, жадной грязной свинье, пожирать последние крохи Земли? Покупал ли он товары, отправленные на другой конец света?

«Вы не понимаете, мы просто пошли в магазин, вот что...»

Значит, это правда. Даже не задумываясь о будущих поколениях, он наслаждался добычей и смаковал ее: пускал отрыжки, пукал, издавая рев подобно реактивному самолету, жадно набивал машину добытыми нечестным путем сокровищами, водой и дешевым пластиковым мусором. Был ли у него автомобиль? *Да?* Отвратительно.

– Когда мой суд? – снова спрашивает бабушка, должно быть, уже в пятый или шестой раз.

– Скоро, мама, – говорит моя мама. – На следующей неде-

ле. В пятницу. Ради всего святого, носи с собой чертов календарь или что-то в этом роде.

* * *

После напряженного дня все, что мне нужно, это встреча с Арнавом, или, может быть, просто на несколько минут убежать в парк и посмотреть, как искусственное небо моделирует искусственное солнце. Он единственный, кто меня слушает. О повышении уровня воды. О разрушающихся стенах. О линиях разломов, которые не прекращают распространяться.

Но Арнава рядом нет. Он снова работает допоздна, его команда лихорадочно готовится к разумной кампании, которую они начнут запускать к судовому разбирательству по делу «дисперсов». Эта мелодрама – их шанс обрести славу. В перерывах он засылает меня виртуальными поцелуйчиками.

Вместо этого я иду в комнату моего брата Криса. Он и его сын втиснулись на койке бок о бок и играют каждый в свою игру. Моя невестка на работе.

Кровать – единственное место, куда можно присесть, поэтому я вползаю на нее и сжимаюсь у стенки, ногами касаясь пальцев ног Джоуи.

– Ну что... как твои дела?

Через миг Крис оторвался от игры и обратил внимание на меня. В этот момент я замечаю, как он постарел – мы уже

не дети.

– Плохо, – говорит он.

– Что случилось? – спрашиваю я. – Из-за твоей... э-э... игры?

– Это не просто игра, – вздыхает он. – Боже, сколько уже раз я объяснял... Хорошо. Слушай... – И по общему согласию, он в который раз начинает рассказывать о виртуальном мире, в котором жил годами. О том, как виртуальные форпосты связывают реальные города. Показывает карты, созданные им и его друзьями. Передает знания, которыми они поделились. Рассуждает о том, как эта сеть стала опорой давно распадающейся нации.

Формально, мы все еще живем в Соединенных Штатах Америки. Страну официально не рассеивали, федеральную структуру официально не расформировывали. Но это ничего не значит. В условиях бесконечного кризиса федерализм сошел на нет. Слишком много людей. Было невозможно позаботиться обо всех. Да они и не хотели. Или тонуть вместе, или выплывать по одиночке, поэтому города один за другим прерывали отношения.

Город мог спасти сам себя. Возможно, государство. Но никоим образом нацию.

Но в виртуальном мире все еще есть связи и информационное взаимодействие. Видимо, Крис на этом поприще имел большое влияние.

Работы у Криса немного – он просто получает свой основ-

ной доход и делает то, что и в игре.

– Но вот в чем дело, – говорит он, глядя на своего сына, Джоуи, который не обращает на нас внимания. Я слышу, как в его наушниках играет бодрая музыка. – Множество форпостов глушат. Связь обрывается. Мы больше не сможем с ними связаться.

– Они рушатся? – спрашиваю я. – Обреченные города?

– Поначалу мы тоже так думали. Пока их было немного.

– А сейчас?

– Их количество резко возросло. Они не все рушатся. Не сразу.

– А что же это тогда? Зависание сети?

– Нет. Они от нас отключаются.

– Что это значит?

– Они делают это нарочно. Они больше не хотят общаться с нами. Они нас изолируют. Каждый день наша сеть становится слабее.

– Но почему? Что мы такого сделали?

– Мы – ничего. Это должно было произойти. То же самое, что некоторые из нас сделали с Даллас/Форт-Уэрт⁸ после переворота. Они собирались стать похожими на «дисперсов». Мы должны были сосредоточиться на спасении городов, которые все еще могут выжить, поэтому начали их глушить. Мы от них отключились.

---

⁸ Международный аэропорт, расположенный между городами Даллас и Форт-Уэрт, который является самым загруженным аэропортом штата Техас, США.

Я давно знала, что все плохо. Но, несмотря на это, я в шоке. Я не могу подобрать слова.

– Об этой мерзости не узнаешь из новостей, – говорит мой брат. – По телевидению показывают одни суды.

– Значит, города всей сети уже знают, что местные этого никогда не признают. Этот город рушится. Наводнения не прекратятся. Нам конец.

– С чего, по-твоему, начали показывать эти суды?

Я пожимаю плечами. Я все еще не могу придумать, что сказать.

– Папа это знал. Давно. До того, как ушел.

Формально мой отец все еще живет с нами. Официально они с мамой брак не расторгали, но мы не видели его в течение нескольких месяцев.

В городе для таких людей, как он, есть решение – заведения с койками, похожими на гробы, почасовая аренда, душ в кредит. Он получает свой гарантированный минимум, ест в столовой и живет в клоповниках.

Я давно поставила на нем крест, как и на многих других вещах.

Но завтра буду его искать.

* * *

Я нахожу его в столовой в двух кварталах от нашего дома. Он сидит за одним из длинных узких столов, потягивая

что-то ярко-зеленое, пахнущее дыней и ракетным топливом. Подвыпивший, рассеянный и словно расплывчатый по краям мужчина. Выглядит и пахнет просто кошмарно.

Я сажусь напротив него. Он без удивления смотрит на меня, как будто я сижу здесь весь день.

– Наталья, – говорит он. – Хочешь выпить?

– Не откажусь.

Папа бросает на стол какую-то кнопку, и через мгновение появляется робот-сервер с моим напитком. Я беру соломинку и делаю глоток. Вкус отвратительный.

– Ну, как там все? – невнятно спрашивает папа.

– Ну, у бабушки на следующей неделе суд.

– Значит, мы в деле. А как Джоуи?

– Он маленький негодник.

– Мой мальчик. Джо-Джоуи-Джозеф. – Папа смеется над понятной лишь ему шуткой. – Ты пришла, чтобы пригласить меня на бабушкин суд? Это будет грандиозное шоу старушки...

– Нет, – говорю я. – Я пришла спросить, почему ты ушел на пенсию.

– Что? Старому человеку нельзя насладиться парой рюмочек?

– Ты совсем не старый, пап. Почему ты бросил инженерию? В городе беспорядок. Фундаменты долго не выдержат. Нам не помешает любая помощь.

– Ни хрена себе... Почему ты думаешь, что я бросил?

Вся моя ярость выходит наружу. Грудь вздымается, во рту пересохло. Хочется заорать во все горло: «Как ты мог нас оставить? Почему ты за нас не боролся? Почему даже не пытался?» И в этот момент я даже не понимаю, что именно имею в виду. Нашу проблемную семью. Наш рушащийся город. Наше испорченное общество. Наш отравленный мир.

Все зашло чересчур далеко, а я слишком молода и беспомощна, чтобы что-то исправить.

– Они скрепляют небоскребы клеем и жевательной резинкой, – бормочет папа. – Ремонтируют ракетные корабли клейкой лентой. Думаешь, я не пытался им сказать? Мы все пытались.

– А не мог приложить больше усилий?

– Я? Я всего лишь одиночка. Что я мог сделать сам? Остановить прибывающую воду долбаного океана? Этот город умер два десятилетия назад. Он еще этого не знает. Не все это знают. Мы это знаем, – говорит он, обводя широким жестом столовую, где сидят сотни таких же, как он. Мужчины, женщины – все как он, сдавшиеся, потухшие.

– Я потратила несколько часов на запуск имитационных моделей, – настаиваю я. – Есть способы все исправить. Нам необходимо укрепить фундаменты, установить в куче мест высокомошные насосы, последовательно нанести гидроизоляционные материалы, перенести электростанции на верхние уровни, где они будут защищены от влаги, добавить больше солнечных батарей для питания насосов... Это ад-

ский труд. Но все вполне осуществимо. У нас есть подходящие технологии. Мы можем собрать ресурсы. Мы все еще можем спасти город.

– Дело далеко не в науке. Дело в людях. У вас их нет. Вы никогда этого не сделаете.

– Но мы должны просто заставить их понять, что поставлено на карту. Их дети...

Папа хихикает в свой токсичный напиток.

– Ты поймешь, – говорит он. – Поймешь, я чувствую это. Надеюсь, к тому времени я умру, но если нет, я скажу, что говорил тебе...

– Спасибо, папа. Ты, как всегда, оказал офигеть какую неоценимую помощь.

– Ты поймешь.

* * *

Арнав достал мне билет на большой суд над «дисперсами», и я беру два выходных для участия в съемках. Все коллеги мне завидуют. Внезапно все начинают расспрашивать меня об Арнаве и о шоу. Его карьера, наконец, начинает обзаводиться привилегиями.

Но когда ты находишься в зале суда, все по-другому. Никаких звуковых эффектов. Никаких вырезов. Никаких повторов. Никакой драматической музыки, когда двигается камера.

В зале находится судья, присяжные и обвинение. И, конечно, подсудимые в желтых комбинезонах, сидящие бок о бок, с наручниками на запястьях, со связанными лодыжками. Зрителей, включая меня, немного. На спинках стульев установлены экраны, на которых нам показывают, как реагировать в той или иной момент, какие звуки мы должны издавать и какое выражение лица нам следует надевать. Обслуживающий персонал угощает нас крепкими напитками и раздает стимуляторы, чтобы мы смотрелись на экране более уверенными.

Ключевые фигуры процесса кажутся несчастными. Они окружены армией операторов, репортеров, фотографов, пиарщиков, сценаристов, осветителей, гримеров, продюсеров, микрофонщиков, мальчиков на побегушках и людей из фирмы, обслуживающей мероприятия. Резонансное дело, что-то должно произойти.

Каждый раз, когда я смотрю на Арнава, находящегося среди этого моря персонала, он лихорадочно просматривает мониторы, анализирует рейтинги, опросы, реакцию аудитории, комментарии и отзывы в социальных сетях. Он настраивает алгоритмы так, чтобы на них отображалась нарезка лучших моментов.

Прокурор также охотится за повышением.

– Итак, чего вы надеялись достичь, – вживаясь в роль, спрашивает он у «дисперсов», – когда нарушили безопасность нашего города и заложили эти бомбы? В этом зале

много людей, которые могли бы потерять под завалами своих близких. Что вы можете им сказать?

Он проходит по залу суда и наклоняется так близко, что мог бы плюнуть им в лицо. Они не отшатываются.

– По какому праву вы решили уничтожить этот город, пальцем о палец не ударив при его строительстве? Когда я был маленький, родители говорили мне, что такие люди, как вы, не способны ни на что, кроме разрушения. Мне не верится, что они были правы.

Взглянув на экраны, зрители выражают свое разочарование.

* * *

В последний день, непосредственно перед вынесением приговора, судья приглашает «дисперсов» выступить с обращением.

Мужчина уступает свою возможность говорить женщине. Он качает головой. Он будет молчать до конца. Но женщина встает и обращается к суду.

«Дисперсы» говорят по-английски, но их трудно понять. За два поколения их произношение, как и родной язык, изменились. Они говорят медленно. Они не образованны. Их речь проста и нечленораздельна, и они не могут выражать свои эмоции с той же легкостью, что судья и прокурор, работающие по сценарию.

– Вы внутри, – говорит она. – Мы снаружи. Нам не хватает воды. Еды. У нас нет лекарств. Наши дети больны. Нам ничего не остается, кроме как пытаться остаться в живых.

Ее голос прерывается, но в глазах горит огонь, и я чувствую, что не могу пошевелиться, не могу дышать. Я сжимаю руки в кулаки, точно так же, как в ту ночь, когда я, возможно, в последний раз пыталась поговорить с отцом.

Я окидываю взглядом зал суда. Вижу зрителей, которые, вероятно, выиграли в какую-то лотерею, и прекрасно подобранных для экрана телевизора присяжных. Я хочу узнать, о чем они думают. Сейчас, сидя напротив «дисперсов», представляли ли они, что она может быть такой?

Никто не обращает на женщину внимания. Они перешептываются, возятся со своими гаджетами, смотрят на экраны на спинках стульев. Присяжные тоже не уделяют ей особого внимания. Члены съемочной группы порхают, как бабочки, стараясь не упустить интересные моменты.

На нее устремлены только мои глаза, и женщина из группы «ДисПер» смотрит прямо на меня. Наши взгляды встречаются.

– Мы когтями цепляемся за жизнь, – говорит она. – Большинство наших детей умирают. Ну а те, кто живы? Они знают все о том, как их дедушки и бабушки боролись, чтобы добраться до этого места, где, как они думали, выживут и спрячутся за стенами. Мы рассказываем им о том, что вы сделали. Мы учим их быть злыми. Воспитываем их для борьбы.

Рано или поздно они разрушат эти стены. И придет потоп. Вы станете такими, как мы.

После ее выступления присяжные заседатели переходят в другую комнату для совещания; их дискуссия транслируется на огромных экранах в зале ожидания суда.

Дело открыто и закрыто: «дисперсы» приговорены к смерти.

На каждом экране в городе повторяется три строчки: *«Наши дети... Мы учим их быть злыми. Воспитываем их для борьбы. Они разрушат эти стены».*

– Это ненормально, – говорят ведущие новостей. – Эти «дисперсы» – психопаты. Они создали культ смерти.

Замечания суда расходятся с графиками, и Арнав ликует. Они повысили рейтинги в десять раз. Вся команда отправляется на празднование, и я следую за ними. Они пьют хмельные напитки и наблюдают, как с каждым обновлением растет их социальный рейтинг.

Он ловит меня в уборной и покрывает мокрыми, пахнущими алкоголем поцелуями.

– После этого я определенно получу повышение! – шепчет он мне на ухо. – Может быть, мы даже сможем перебраться в собственный дом. Я не могу дождаться розыгрыша лотереи...

– Я горжусь тобой, милый.

Суд над бабушкой состоится в пятницу. Конечно, он ничуть не похож на суд над «дисперсами». Она ведь не какой-то известный террорист, а одна из миллионов тех, кто попал в этот хаос.

Шоу руководит небольшая группа, всего лишь несколько человек с камерой, осветитель и девушка-звукорежиссер. Зрители – это в основном наша семья плюс несколько профессиональных зрителей, которых распорядители шоу всегда нанимают на такой случай.

– Это мой час славы! – с радостью говорит бабушка, а затем ее уводят к гримеру. Я почти уверена, что кроме этого они ввели ей какой-то амфетамин, потому что, когда она подходит к трибуне, то словно плюется огнем.

Обвинения против нее зачитываются долго.

Для начала эпоха позднего капитализма. Бабушка наслаждалась только ее заключительной частью, но все же поглощала немало добычи.

– Вы ели мясо? – спрашивает судья.

– Да, ваша честь, – кричит бабушка, – и сейчас не прочь, лишь бы кто достал мне чертов гамбургер!

– Вы управляли автомобилем? На бензине? Вы использовали электричество, которое сжигало уголь? У вас были пластиковые предметы? И многие другие вещи?

На экранах вспыхивает ряд изображений, которые программа по распознаванию лиц добыла из глубин сети – фотографии бабушки в молодости. На одной она играет в своей детской. На другой ей шестнадцать и она сидит за рулем своей первой машины. А вот она ест фастфуд с друзьями.

– Вот так оно и было! – кричит бабушка. – Покупать вещи не преступление! Или, по крайней мере, это не было...

Затем настало время климатической катастрофы.

– Вы ездили с протестами по столицам? Вы писали своему сенатору? Вы выключали лампочки? Вы присутствовали на митинге в Хельсинки в 2021 году?

Появились наводнения. Пришла засуха. Возникли пожары. Волна за волной приезжали переселенцы.

Теперь бабушка умеряет пыл. Это самое волнительное событие, которое она пережила, по крайней мере, за последние десятилетия. И оказывается, что вводить амфетамин пожилым людям – не очень хорошая идея.

– Нам всего не хватало, – говорит она. – Еды. Воды. Домов. Мы должны были построить стену, а «дипписы» продолжали проходить через нее и все время проводили диверсии. Точно так же, как сейчас, они бы все взорвали. Копы раздавали винтовки всем, кто хотел их взять. Они были не против нашей помощи.

– Вы убивали переселенцев?

– Это не было убийством. Обычная самозащита.

– Сколько людей вы убили? Трех? Четверых? Шестерых?

Десятерых? Были ли среди них дети?

– Мы сделали это ради вас, – говорит бабушка. – Черт побери, мы думали, что вы, власть имущие кретины, будете нам благодарны.

Хейли Уилсон, она же бабушка, была признана виновной в преступной халатности, причастности к массовому убийству и разрушению климата четвертой степени, а также в неуказанном числе преступлений против человечества. (Они не смогли определить точное количество убитых ею беженцев.)

– За эти преступления суд приговаривает вас к проживанию остатка ваших дней в Доме престарелых. Все ваше оставшееся имущество будет конфисковано государством. Увести подсудимую Хейли Уилсон. Следующий!

* * *

В прошлом году, когда объявили результаты детской лотереи, мы с мамой не на шутку поссорились. Она говорила:

– Не волнуйся, это случится, продолжайте пытаться. У твоего брата получилось с первой попытки! Это дело случая.

Она постоянно строит из себя эксперта. Но это не так. Когда она была в моем возрасте, у них не проводилась детская лотерея. Она родила двоих детей, когда, честно говоря, даже одного ребенка было много. А теперь и подавно – рушащийся город и без того заполнен людьми. Места всем не хватит.

И поэтому я ответила:

– Ты заварила эту кашу. Это твоя ошибка. Ты была эгоисткой. А теперь страдаю я.

Очевидно, все получилось не слишком хорошо.

В этот раз, чтобы избежать подобных перебранок, мы с Арнавом спланировали все заранее. Мы приходим в парк, где можем спокойно сидеть у фонтана, пить из нашей фляжки, держаться за руки и ждать результатов.

Когда на наших устройствах появляется сообщение, мое сердце уходит в пятки, и я до тошноты боюсь его прочесть.

– Открой его, – говорю я Арнаву. – Скажи мне, что там.

Я зажмуриваюсь и жду его слов. Вместо этого он целует меня, и я чувствую, как на щеки падают его слезы.

– Мы выиграли, – говорит он. – У нас получилось. Пойдем делать ребенка.

Посмеявшись и поплавав, мы идем делиться новостью с семьей.

Йен Хокинг Улетай, Питер

Ежедневно в четыре часа пополудни фрау Гёт отправлялась на старую станцию очистки воды в чаще леса. Сегодня шел дождь, и ее обычная получасовая прогулка растянулась до сорока минут. С собой у нее были часы с репетиром⁹, когда-то принадлежавшие ее дедушке. Часы как всегда работали безукоризненно. Она видела, что опаздывает.

Понадобилось много лет, прежде чем станция – L-образное сооружение, состоящее из трех зданий с рифлеными крышами и покосившимися стенами – смогла снабжать водой Реклингхаузен. Водный канал иссяк за несколько лет до того, как родилась фрау Гёт. Чтобы туда не падали люди, канал засыпали щебнем и дровами, но, несмотря на все предпринятые меры, прошлой весной на этой свалке пропало как минимум двое детей из Дома. Они бродили по таявшим глыбам льда и провалились. Откапывать тела было слишком опасно, поэтому люди не придумали ничего лучше, чем установить кресты.

Лесная дорога к станции превратилась в грязевой поток. Он прерывался в десяти метрах от входа, там в луже плеска-

---

⁹ Приспособление в часах, посредством которого при нажатии на пружину отображается показываемое ими время.

лись две маленькие птички. За каждым отряхиванием следовала пауза, как будто кто-то сделал серию снимков и теперь поочередно их перелистывал.

В мае снег шел без остановки, но сейчас, в начале июня, дождь его смыл. Дождь шел с востока, а значит, состоял преимущественно из черной грязи. Никто не знал о том, что происходит на востоке: некоторые говорили, что он обезлюдел, другие шептались, что там созревает что-то скверное. Фрау Гёт отбрасывала второй вариант, списывая его на давний страх немцев, мол, если грядет какая-то опасность, она придет с востока.

Приподняв серую юбку, чтобы избежать грязевых брызг, и одновременно следя за чулками, она шагнула на плиту перед дверью. Плита была надгробием с кладбища, когда-то принадлежавшего аристократам из закрытой северной части станции. Дверной замок, как и имя барона на надгробии, был давно растоптан.

Она заметила, что ведро с водой, в котором дети мыли ноги, покрылось коркой льда. Надо бы его сколоть. У фрейлейн Зигрид появилась работенка.

Дверь распахнулась – стоило лишь слегка ее толкнуть. В помещении царил тусклый свет, проникавший через высокие грязные окна. Но треть солнечных батарей на крыше все еще работала, и из-за того, что на одном из заводских зданий была действующая батарея, она сможет включить электрическое освещение, когда придут дети. Она с удовлетво-

ренным кивком заметила, что флажки все так же висят, а демонстрационные доски на месте и надлежащим образом украшены. В маленькой коробочке за почтовым ящиком лежал конверт. Взяв его в руки, фрау Гёт почувствовала, как замирает сердце.

За следующие пятнадцать минут в ее голове пронеслись события двадцатилетней давности, начиная с того дня, когда она впервые прибыла в этот район и вызвалась волонтером в Дом. В те дни в Доме было светло, и он хорошо отапливался, а зеленая краска на стенах придавала ему вид весеннего цветущего леса.

Ее офис находился в комнате с высоким потолком, круглым окном и маленьким складным столом. На стене висело летнее расписание. Каждую неделю Ученики мастерили нагрудные знаки, их прогресс отмечался красными косыми чертами. На прошлой неделе темой уроков были самолеты. На этой – гигиена. Дальше будет стрелковая подготовка. Сегодня она ожидала девять Учеников: Бена, Луиса, Пола, Лукаса, Эмму, Мию, Ханну, Гарольда и Софию. Маленькая София приходила всего дважды, но остальные, посещавшие занятия в течение нескольких месяцев, были уже тертыми калачами. Для всех ребятишек у нее имелись Государственные карточки с указанием таких данных, как семейный доход, наличие братьев и сестер, проблемы со здоровьем, и – поскольку она была Главой Дома – доклады осведомителей об антигосударственной деятельности, связанной с их семьями. Она

редко читала что-либо обвиняющее, потому что дети смутьянов нечасто получали привилегию членства в Доме. А оно действительно было привилегией.

Фрау Гёт использовала мнемоническую систему для запоминания ее двадцати детей. Мюллер, конечно, был мельником, Рихтер – судьей. Имелся у нее даже задира Лукас Хартманн. Любопытное имя для унылого сутулого мальчика, у которого частенько носом шла кровь. Фамилии были более обычными, чем имели право быть. Большинство из них приняли в годы хаоса после Яркости, во время которой записи были уничтожены или утеряны. Когда Германия стала перекрестком для мигрантов, перемещающихся между всеми точками земного шара, истоптанным, как надгробие перед Домом. Исконно немецкая фамилия стала способом распространить правильную немецкую самооценку, не отказываясь от прошлого и, в то же время, стремясь к будущему. Она защищала человека от обвинений в чужеродности. Сейчас все было проще. Но только если, к примеру, вы не были чужаком, чья страна выступала на стороне врагов Государства.

Эти мысли об иностранцах привели ее к испанскому ребенку (во всяком случае, его бабушка и дедушка были испанцами) Флориану, который только на этой неделе уехал в Барселону. Фрау Гёт отделила его карточку от остальных, положила рядом с печью и занялась конвертом. Внутри, как она и подозревала, лежало письмо от Государства. Абзац посередине представлял из себя бессмыслицу из нескольких

четырёхбуквенных групп, расположенных в аккуратных колонках. Она достала часы с репетиром. Наверняка опоздает, но не стоит беспокоиться. Фрау Гёт подошла к закрытому шкафчику в задней части офиса и достала свое колесико для расшифровки. Она не записывала нерасшифрованный текст, держала его в голове. Закончив читать, женщина написала такой же зашифрованный ответ, положила его в ящик для писем и убрала колесико для расшифровки в шкафчик.

Спустя двадцать, а может быть, тридцать секунд Гёт поняла, что все еще стоит у шкафчика и, словно удавку, держит в руке платок.

Был еще один мальчик, которого звали Гарри.

Этот маленький мальчик был *ее* маленьким мальчиком. Гарри. Много лет назад. Когда она жила в Берлине с Филиппом – мужчиной из северной Англии.

* * *

Когда Гарри появился на свет, Англия была верным союзником Государства и играла важную роль в войне с Севером. Фрау Гёт не могла вспомнить, когда Англия предала Государство, но это случилось до того, как она покинула больницу вместе с Гарри. Судьба Филиппа изменилась очень быстро. В один момент он был связующим звеном между английскими военно-воздушными силами и Государством, а уже в следующий стал практически никем, как выбитый передний

зуб. Дверь в их дом была взломана, все фотографии Филиппа уничтожены. Виниловые пластинки разбросаны и растоптаны. Полицейский инспектор, зашедший вечером, когда фрау Гёт ухаживала за Гарри, принес ей два сообщения.

Первое звучало так:

– Мы считаем, что это кража со взломом, и, честно говоря, мало что можем по этому поводу сделать. Как вы понимаете, на данный момент у Государства более серьезные проблемы.

Второе, которое он озвучил, взяв пластинку и подняв ее на свет, а затем взглянув на ребенка, было таким:

– Вы должны принять то, что произошло, и жить дальше.

После этого все ее время отнимал Гарри, за что она была благодарна. Все могло быть хуже. Исчезновение мужчин стало настолько обычным явлением, что в ее голове многие годы сами собой возникали свои планы. Многих других женщин в ее квартале постигла та же участь, и они, как правило, собирались вместе, пили суррогатный кофе, обсуждая возможность создания своего Государства в пределах нынешнего. Сообщество для детей, которые приходят домой и обнаруживают свой дом разрушенным, если не кирпичом то словом, или для жен, мужей которых забрали, ликвидировали или, как в случае с ней и Гарри, и то, и другое.

Месяцы спустя она раздумывала над тем, выйти ли ей замуж за некоего Элиаса Гёта, работавшего в Государственных архивах и который с тех пор, когда они учились вместе в Доме в Шарлоттенберге, был безоглядно в нее влюблен. Даже

сейчас, когда она смотрела на ручку шкафчика в своем Доме, воспоминания о Гёте заставили ее содрогнуться. Ее ошибка заключалась не в том, что она отказывалась от брака. Ее ошибкой было то, что она слишком долго ждала. В конце концов, она была молодой матерью с ребенком, надеющейся на хрупкие дружеские отношения (семьи у нее, с тех пор, как убили ее сестру, не было), и ей посчастливилось привлечь внимание даже такого мрачного человека, как Гёт. Если бы она вышла за него замуж раньше, он мог бы сильнее привязаться к Гарри.

Она поняла, что что-то не так, когда однажды возвращалась домой с Гарри с завода, где помогала делать мыло. Твердое дешевое мыло, которого никто, кроме самых богатых людей в Государстве, не мог избежать. Держа маленького Гарри за руку, она шла, держась середины дороги, где было безопасней всего. Вместе с другими детьми он провел целый день под ее рабочим местом, находя потерянные формочки и инструменты и очаровывая остальных рабочих.

Когда мать с сыном проходили мимо башни, она увидела, что на нее смотрит сметавшая с крыльца потоки дождя фрау Динес. Фрау Динес видела, что Гарри ей машет, но вместо того, чтобы помахать в ответ, зашла в дом.

– У тети Малис все в порядке? – спросил Гарри.

– Тетя Динес, похоже, занята, – процедила мать.

По дороге домой они встретили еще троих знакомых и каждый раз их игнорировали. Ее не покидало неприятное

чувство, которое лишь усилилось, когда они повернули к своему дому и увидели, что ее новоиспеченный супруг Элиас Гёт стоит рядом с полицейским и курит трубку. Полицейский грустно смотрел на ребенка, Элиас широко улыбался. Он воскликнул, что ему наконец удалось зачислить Гарри в школу для вражеских детей, где он будет огражден от любых издевательств.

«Никаких издевательств» – это было первое, что она слышала.

Ее захлестнула ненависть к этому человеку. Она отпустила Гарри и протянула руки к Элиасу, но было уже слишком поздно. Представители власти уже множество раз забирали детей, поэтому были готовы к ее реакции. Появившийся из тени второй полицейский воткнул ей в бедро шприц, пробивший пальто, юбку и нижнее белье. Жидкость попала в кровь, и она упала на спину, крича и судорожно хватаясь за онемевшую ногу. Хлопали окна соседей, а ее муж извинялся перед каждым, кто слышал крики, и объяснял, что с ней все будет в порядке...

Гарри она больше никогда не видела.

Год спустя, после похорон ее мужа, фрау Динес – теперь Малис – пригласила ее на кофе и пирожные. Они сидели среди унылых украшений, развешанных на стенах по случаю Государственного Рождества, и Малис вдруг передала фрау Гёт размытую фотографию отчета. Фрау Гёт прочла текст, после чего Малис сразу же бросила его в огонь. Поблагода-

рив ее, фрау Гёт пришла на могилу своего мужа и усталилась на мокнувший под темным дождем деревянный крест. Когда совсем стемнело, она вытащила крест и, отойдя в угол кладбища, сломала его об колено.

В отчете, украденном фрау Динес, говорилось, что ткани ее сына отправили Государственным морякам, обгоревшим во время операции в проливе Скагеррак¹⁰. В нижней части размытой последней страницы имелось примечание о том, что Гарри был уличен в том, что он пел английские детские песенки, сочиненные «иностранными меметическими агентами», другим детям на мыльной фабрике. Прочитав это, фрау Гёт спрашивала себя: «Кто принимает эти решения? Каков порог непослушания? Каковы критерии невиновности? Что есть наказание?» В конечном счете, спустя многие годы, она перестала задавать эти вопросы.

* * *

Фрау Гёт, нынешняя Глава Дома, вытерла платком слезы. Среди молодых женщин было модно использовать черный осадок дождя в качестве подводки для глаз, но фрау Гёт никогда этого не делала. В детстве контакт с осадком приводил к открытию язв, в основном вокруг носослезных каналов. «Мы плачем, когда плачем», – говорил ее отец. Многие

---

¹⁰ Пролив между норвежским побережьем Скандинавского полуострова и полуостровом Ютландия.

утверждали, что последствия Яркости безвозвратно исчезли, но она не решалась рисковать. Она не пользовалась косметикой. На ее голубом носовом платке, как и вокруг глаз, не было никаких черных пятен.

В главном зале нужно было протереть пыль, но об этом позаботится фрейлейн Зигрид. Фрау Гёт должна постараться, чтобы инструкции, переданные ей в зашифрованном Государственном письме, были выполнены до прибытия детей. В главном зале стояла доска с висевшими на ней листами бумаги с лучшими идеями от восьми детей, которые Питер Хоскинс, основное действующее лицо письма, мог воплотить во время своей новой жизни в Германии. Сорвав листы, фрау Гёт вновь посмотрела на них. Впервые она видела их на прошлой неделе, во время дежурной проверки. На одном был изображен светловолосый мальчик – ручки, ножки, два овала, – который ел мороженое. На другом рисунке похожий мальчик танцевал под темным дождем. Фрау Гёт уничтожила все рисунки, пока след молодого Питера Хоскинса не испарился.

Она больше не думала о нем как об «английском» или «тихом мальчике». Она вообще о нем не думала.

* * *

Через двадцать минут в дверь офиса постучала фрейлейн Зигрид. Коренастая девочка-подросток, на голове которой

всегда красовался алый платок из плотной ткани. Она иногда бывала упрямой, но фрау Гёт неплохо с ней ладила.

Взгляд Зигрид тотчас метнулся к печке:

– Здесь тепло от этой штуковины.

Фрау Гёт даже в лучшие времена не была большой поклонницей пустых разговоров. Она, как правило, поощряла их в качестве награды для студентов. Сама она обычно не отвечала на чье-либо пустословие, но если другая женщина замечала это, то она никак не реагировала.

– Наш новичок больше не придет.

С лица фрейлейн Зигрид исчезло вялое выражение. Она выглядела оживленной.

– Питер?

– Да, юная леди, Питера больше не будет.

Взгляд фрейлейн Зигрид на секунду задержался на фрау Гёт. Это что, сопротивление? Удивление? Или обычная человеческая потребность в подробной информации? Но подробности не имели значения. Потому что они никогда не менялись. Похитители, эти славные люди, успокаивали бы его баснями о мороженом или поездке в зоопарк до самой разрушенной промышленной зоны, где располагалась их клиника.

Фрейлейн Зигрид выскочила в коридор. Фрау Гёт кончила писать письмо руководителю одной из Молодежных групп в Дортмунде – там ожидался Выходной – и с недоумением и некоторым смущением обнаружила, что напевает последние

несколько строк английской детской песенки.

Вскоре она услышала, как начали прибывать первые дети и их родители. Из коридора доносился быстрый топот детских и медленные тяжелые шаги взрослых ног. Когда дети проходили мимо ее двери – маленький Бен, чуть приоткрыв ее, помахал, а Пол вежливо поклонился, – фрау Гёт приветствовала их кивком, не вставая со стула. Родители, не здороваясь, оставили детей и тотчас ушли.

Фрау Гёт прекрасно понимала, что заходить в зал до пяти вечера не стоит. Она надеялась, что до этого времени фрейлейн Зигрид займет их играми и как можно сильнее утомит, чтобы во время наставлений они соблюдали тишину.

Без пяти пять, когда фрау Гёт собралась было сменить в ручке пасту, в дверь просунулась голова фрейлейн Зигрид:

– София спрашивает, можно ли им поиграть в крикет. Английскую игру. Я не знаю, что ответить. Может, сейчас как раз подходящее время... – Она запнулась, вопросительно вскинув брови.

Фрау Гёт даже не подумала помочь ей с окончанием фразы, нарочно растягивая этот момент до возникновения неловкой паузы. С фрейлейн Зигрид это, похоже, было действенным шагом. Наконец, она сказала:

– Подходящее время для чего?

Девушка замялась.

– Чтобы рассказать им о...

Она почти сказала «Питер», почувствовала фрау Гёт.

Женщина одарила ее ледяной улыбкой. Из жизненного опыта, учитывая и усвоенные ею самой уроки, фрау Гёт знала, что ученику лучше пройти свой собственный путь к заключению. Самому выбрать продолжение.

– Все ясно, – кивнула фрейлейн Зигрид.

* * *

В шесть часов, когда электрический свет сменил тусклый солнечный, в зал вошла фрау Гёт. Повизгивавшие, бегавшие по кругу дети тотчас замолчали. Фрау Гёт посчитала их – всего девять: Бен, Луис, Пол, Лукас, Эмма, Миа, Ханна, Гарольд и София. Предыдущая помощница, Годран, дала им (как она их называла) «имена карликов», что помогало ей их запомнить: чихоня, колючка, худышка... фрау Гёт в этом не нуждалась.

Дети смотрели на нее, словно наблюдающие за айсбергом матросы.

Фрау Гёт дважды хлопнула в ладоши и попросила детей собрать все игрушки и настольные игры и положить в шкаф. Когда это было сделано, – в тишине, с помощью фрейлейн Зигрид, которая трепетно, словно оружейник, принимала из детских рук ленточки, юлы и мячики, – фрау Гёт подошла к большой доске, повернулась и протянула руки ладонями вверх, ожидая, пока дети образуют полукруг. Когда они сделали это, она опустила руки, и дети сели.

София пришла в Дом недавно, поэтому неуклюже суежилась, не успевая ни сесть, ни собрать игрушки.

– София, что не так с твоим платьем? – спросила фрау Гёт.

Нахмурившись, София беспокойно взглянула на фрау Гёт, повернулась к соседу из своего отряда, Бену, и прошептала:

– Почему она думает, что с моим платьем что-то не так?

Бен в замешательстве посмотрел на Софию. Как и все дети, находившиеся здесь, он был слишком мал, чтобы до конца осознавать, почему его родители так хотели, чтобы они приходили в Дом. Но он понимал, что это очень важно для них и означало также большее количество еды и повышенную безопасность. Поэтому он сидел смиренно и делал то, что ему говорят, даже не понимая всех деталей. Просто знал, что лучше делать то, что просит фрау Гёт.

– Замолчи и садись, – прошептал он в ответ. Несколько других детей захихикали.

Чтобы показать, что ее можно не бояться, фрау Гёт улыбнулась, хотя знала, что ее чернозубая улыбка не всегда вызывает положительную реакцию.

София покачала головой, всем своим видом показывая, что ей все это не нравится, но все же притихла.

– Добрый вечер, дети, – начала фрау Гёт.

– Добрый вечер, фрау Гёт, – отвечали они.

София подняла руку.

– Можно мне немножко потанцевать?

– Ты *можешь*, но тебе *нельзя*, – сказала фрау Гёт. Она надеялась, что ребенок не умственно отсталый. Иначе жизнь Софии станет намного сложнее и короче. – Давайте повторим наш обет. Вы помните обет?

Остальные дети сидели неподвижно, но София наклонилась вперед, вытянула руки, словно потягивающаяся кошка, и, хихикнув над чем-то, спросила:

– А где Питер?

– Кто? – переспросила фрау Гёт.

София засмеялась, как будто ожидала, что фрау Гёт затеяла игру. Но другие дети не смеялись, и когда она оглянулась, чтобы увидеть, как они отреагируют на эту новую игру, никто не обратил на нее внимания.

– Питер. Из Англии, – повторила она, будто они оглохли, и прошептала сидевшему рядом Бену: – На этой неделе Питер покажет нам, как играть в крикет.

Все молчали. Бен с ужасом смотрел на свои грязные ноги.

– Кто-нибудь помнит Питера? – наконец спросила фрау Гёт.

Дети покачали головами. Бен качал энергичнее всех. София ударила его по руке.

– Вы все меня разыгрываете, и это не очень приятно, – сказала она и, сложив руки на коленях, посмотрела на остальных, готовая к спору.

– София, это место без насилия, – сказала фрау Гёт. – Если ты еще раз так сделаешь, отправишься в шкаф.

София рассмеялась и прикрыла рот рукой.

Фрау Гёт начала обет:

– Под этим кровавым стягом...

Дети, кроме Софии, произносили слова вместе с фрау Гёт.

Старшие приносили обет уверенно и четко, голоса младших были тоньше и звучали не в лад, а маленькая София и вовсе беззвучно открывала рот, словно поддерживая игру.

Когда клятва закончилась, фрау Гёт посмотрела на детей. Они были очень маленькими. Слишком маленькими, чтобы делать надлежащие нагрудные знаки. Несмотря на то, что она каждую неделю планировала новое расписание, она решила, что его изменение будет целесообразным. Она хлопнула в ладоши и сказала:

– Фрейлейн Зигрид, думаю, мы покажем им видео с Годран.

Фрау Гёт внимательно следила за реакцией своих подопечных, и сейчас фрейлейн Зигрид и детей. Зигрид, которая стояла за полукругом, скрестив руки, покачала головой, как бы для того, чтобы убедиться, что она не ослышалась. Реакция детей оказалась более разнородной. Старшие выглядели спокойными, младшие – возбужденными.

– Но мы не должны говорить о Годран. Она была плохой, – сказал Бен.

– Плохой? – переспросила фрау Гёт.

Какое-то мгновение Бен выглядел испуганным, словно потерял что-то ценное, и хлопал по карманам, чтобы найти

эту вещь. Но вдруг его взгляд обрел осмысленность.

– Она была... была ничем.

– Совершенно верно, – кивнула фрау Гёт.

Эмма подняла руку.

– Да, Эмма?

– Разве мы не будем учиться гигиене?

Фрау Гёт покачала головой и, вскинув брови, взглянула на фрейлейн Зигрид.

– Фрау Гёт, может быть, мы немного об этом поговорим? – спросила Зигрид.

– Нет, фрейлейн Зигрид, мы будем смотреть видео, – сказала фрау Гёт. Она не раз видела, как приходят и уходят такие люди, как фрейлейн Зигрид. Годран была похожа на нее: молодая, добропорядочная, способная поспособствовать закладке Государственных границ, хоть и не отличавшаяся убежденностью. – Вы найдете запись на моем столе. Проектор на шкафу с игрушками. Мы вас подождем, да, дети?

– Да, фрау Гёт, – почти хором ответили они.

Опустив глаза, фрейлейн Зигрид ушла. Через минуту на стуле за спинами детей (чтобы изображение падало на стену рядом с доской) стоял проектор, и Зигрид перемотала запись на самое начало.

Она взглянула на фрау Гёт, ожидая сигнала. Глава Дома кивнула.

Движущееся изображение было черно-белым и слегка подрагивало, как будто съемка велась втайне, но место дей-

ствия было ярко освещено и хорошо различимо. На переднем плане стоял стол, на котором лежала большая карточка, гласящая: «Казнь Годран Мала».

Несколько детей издали непонятные звуки.

В кадре появилась Годран, которая еще несколько недель назад была сотрудником Дома. На ней было платье с узким лифом и пышной юбкой, очень похожее на то, которое носила фрейлейн Зигрид. Она выглядела осунувшейся – была значительно худее, чем в последний раз, когда фрау Гёт ее видела. На экране вокруг Годран собралась группа суровых мужчин в плащах. Один был выше всех прочих и носил треуголку. Он что-то зачитал с листа бумаги. Возможно, последние ритуалы, но звука на записи не было. До зрителей доносился лишь треск и шум проектора. Мужчины начали пожимать друг другу руки, как будто только что завершили сложные переговоры.

На экране появилась Годран, которую завели на вторую ступень низкой виселицы. Внизу кадра было видно, как ветер развеивает нижний край ее юбки и небрежно связанные в пучок волосы. Все это время выражение ее лица было не совсем отсутствующим, скорее, беспристрастным. Возможно, так выглядит стоматолог до того, как попросит пациента широко открыть рот.

Фрау Гёт взглянула на детей. Теперь они смотрели хроники довольно спокойно. София же выглядела ошеломленной. Рядом с Годран шагали двое мужчин. Один из них держал

девушку за плечо, как будто она могла упасть, а другой тянулся к петле. Она явно висела слишком высоко, и ее требовалось опустить. На переднем плане был еще один человек. Он выглядел потерянным, как будто ему велели стоять там, но не объяснили, что делать.

Мужчине, спускающему петлю, все никак не удавалось это сделать. В конце концов, человеку, державшему Годран, это надоело, и он стал ему помогать. Вместе они провели петлю над головой Годран и надели ей на шею. То и дело подтягивая и поправляя ее, они потратили много времени, следя за тем, чтобы она висела достаточно низко, но не слишком. Веревка не должна провисать. Все это время Годран смотрела вдаль. Фрау Гёт задалась вопросом, что она видит, но ей было не суждено это узнать, потому что камера не поворачивалась.

Проектор показывал Годран, стоящую на виселице.

Мужчины вокруг нее теперь были в черных масках. Они не надели капюшоны, чего ожидала Фрау Гёт при первом просмотре этой записи, ограничившись масками, скрывающими лишь верхнюю половину лица.

Охранник, стоявший ближе всех к виселице, потянул рычаг, и под Годран открылось отверстие, в которое она упала. Однако что-то пошло не так. Веревка слишком провисла, и девушка, споткнувшись, приземлилась, совершенно невредимая, наполовину застряв в дыре. Фрау Гёт закрыла рот рукой, сдерживая смех. Впервые на лице Годран появилось

раздражение. Но она не плакала. Вскоре это выражение исчезло, и она терпеливо посмотрела на мужчин.

– Она будет танцевать! – крикнул Луис.

Услышав это, фрау Гёт резко перевела взгляд на него. Но он не смотрел на экран. Он откинулся назад и шевелил ногами в воздухе. Метнувшаяся фрейлейн Зигрид грубым движением посадила его ровно. После этого Луис успокоился.

Между тем на экране устройство вернули в исходное положение, и Годран снова оказалась над люком. Когда мужчина нажал на рычаг, она аккуратно опустилась, но лишь на несколько сантиметров. Узел веревки немного сместился, и ее голова была запрокинута в другую сторону. В прикрытых глазах появилось что-то фальшивое. Фрау Гёт подумала, что это похоже на то, как бодрствующий человек пытается сомкнуть глаза, чтобы побыстрее окунуться во тьму. Когда узел выровнялся, ее болтающееся тело полностью развернуло к камере.

Фрейлейн Зигрид двинулась вперед, чтобы остановить запись, но фрау Гёт подняла руку.

Годран начала качать головой и вдруг открыла глаза. Полные тьмы.

«Нет, нет, нет».

Через минуту, после нескольких подергиваний, напомнивших фрау Гёт о птицах, купавшихся в луже у Дома, Годран умерла.

Фрау Гёт повернулась к детям и глубоко вздохнула.

– Что вы видели? – спросила она.

– Ничего, – ответили они.

– О ком было видео?

– Ни о ком.

– Отлично, – кивнула фрау Гёт.

Ее больше всего интересовала реакция Софии. Видео включали, чтобы преподать ей урок, и, похоже, оно ее немного успокоило. Лицо девочки ничего не выражало. Бен, между тем, дрожал. Это пройдет. Этот опыт был важной частью убийства, нечто вроде силовой тренировки, которую фрау Гёт уже прошла и теперь была обязана научить этих детей.

– Мы увидели достаточно, – сказала фрау Гёт. – Фрейлейн Зигрид, не могли бы вы убрать проектор?

– Но она все еще танцует! – выпалил Луис, и несколько детей рассмеялись. Даже Бен. Это было хорошо.

София что-то сказала. Фрау Гёт не совсем расслышала, но Зигрид, прекратившая собирать проектор, давала повод полагать, что за этим что-то последует.

– Что ты сказала, София? – спросила фрау Гёт.

София посмотрела на нее довольно уверенно и без малейшего вызова сказала:

– Она, наверное, улетела. Как в детской песенке.

Рот фрау Гёт дрогнул.

– Замолчи. – Она откашлялась и хлопнула в ладоши. –

Итак, сегодняшняя тема – гигиена.

Фрау Гёт как раз пересматривала свои бумаги и наслаждалась теплом горячей печи, когда в дверь постучали, и вошла фрейлейн Зигрид. Выдержав небольшую паузу, фрау Гёт подняла глаза. Редкие помощники были столь невежливы.

– По всей видимости, что-то важное, фрейлейн Зигрид?

– Мы ищем Софию.

– Фрейлейн Зигрид, вам нужно следить за тем, чтобы каждого ребенка забирали родители, – снисходительно напомнила фрау Гёт.

– Я везде искала, даже в саду.

Жестокая выдумка – называть «садом» пепелище между станцией и старой железнодорожной линией.

– Фрейлейн Зигрид, – тихо сказала фрау Гёт, как будто это было само собой разумеющимся. – София пробыла с нами только три недели, но она убежала домой сама как минимум дважды. Неужели она снова это сделала?

Фрейлейн Зигрид покраснела.

– Я продолжу поиски. Уверена, они оба найдутся.

Фрау Гёт положила ручку.

– Оба?

– Да, малыш Бен тоже пропал.

В течение следующего часа фрау Гёт и фрейлейн Зигрид

искали двоих детей во всех комнатах, кладовых и даже на длинном чердаке. Их нигде не было. Фрау Гёт не беспокоилась. Несмотря на то что детям не разрешалось уходить самостоятельно, они делали это регулярно, так как их дома в основном располагались в конце лесной тропы. Когда наступил вечер и совсем стемнело, Фрау Гёт сказала фрейлейн Зигрид, чтобы та шла домой, а сама она все закроет и еще раз просмотрит помещения. Девушка нехотя ушла.

Пятнадцать минут спустя фрау Гёт стояла на пороге с ключом и уже собиралась закрыть дверь, как вдруг ее озарило. Она прошла в конец зала, прижалась ухом к большому серому шкафу с игрушками и услышала, как внутри кто-то шептал:

– Улетай, Питер, улетай, Пол. Вернись, Питер. – Пауза. – Теперь ты.

Низким голосом, почти похожим на волчий рык, фрау Гёт сказала:

– Вернись, Пол.

– Это фрау Гёт! – выдохнула София.

– Я хочу выйти, – сказал Бен. – Я хочу выбраться отсюда.

Он ударил в дверцу, вызвав звук маленького гонга. Шкаф, конечно, было невозможно открыть изнутри.

– Улетайте, – мечтательно произнесла фрау Гёт.

Она внезапно обнаружила, что не может вспомнить лицо своего ребенка, маленького Гарри, немецкого ребенка с английским именем.

Она прижала ладонь к холодному металлу. Бен отчаянно колотил в дверцу.

– Я хочу выйти! – кричал он. – Выпустите меня! Пожалуйста!

Уходя, фрау Гёт вспомнила, как кричал Гарри, когда его уносили. Его животные крики – захлебывающиеся, гортанные, хриплые – смешивались в ее голове с криками Софии и Бена. Именно сейчас подходило к концу преждевременное развитие Софии. Это ее последний урок.

Фрау Гёт заперла дверь и спустилась по тропинке, быстро исчезнув между деревьями. Не вынимая руку из кармана юбки, она нажала кнопку на часах с репетиром. Домой она опоздает. Ее следующий визит на станцию состоится через неделю. Фрейлейн Зигрид, несомненно, найдет, где нужно прибраться.

Энн Чарнок

Добропорядочный гражданин

Как тяжелый сердечный приступ. Вот как это ощущалось. Я проснулась от громкого «чух-чух-чух» в груди. Это стиральная машина соседки начала цикл отжима. Я посмотрела на часы. Десять минут четвертого утра. Опять. Полная, неуравновешенная загрузка полотенец и скатертей. Я знаю это, потому что одиннадцать месяцев назад, когда я впервые возмутилась происходящим, она сказала мне, что белье в ресторане нужно отстирывать за одну ночь. С тех пор шесть ночей в неделю я слышу такое дребезжание кастрюль и бутылок, словно между ее плитой и холодильником курсируют баржи.

Я говорила соседке Верити, что она с тем же успехом могла бы прикрутить свою стиральную машину к спинке моей кровати. Стенка между нами тонкая как бумага. Но до нее невозможно достучаться. Она лишь пожимает плечами, всем своим видом говоря: «Ну, ничего не поделаешь». И все это с каменным лицом. *Я и сама* могу высказаться напрямую – скорее всего, из-за моих северных корней, – но руки опускаются, когда сталкиваешься с откровенной грубостью.

Я лежу с открытыми глазами в полной темноте. Цикл отжима достигает максимальной скорости. Я попала в черный

ящик с равномерным гулом. И я хочу пить. Мне уже не уснуть.

Может, мне ударить в стену? В конце концов, человеческое поведение не поддается обоснованным аргументам. Я хочу, чтобы она узнала, что я все еще сержусь из-за преждевременных вынужденных пробуждений. Но в то же время мой стук в стену может потревожить кого-то еще в этом крыле. Я бью подушку. Не слишком умное решение – растяжение плеча, полученное на прошлой неделе, снова дает о себе знать.

И я опять репетирую ссору с Верити, потому что никак не могу остановиться. Это все не выходит у меня из головы. Я скажу ей: «Не у тебя одной есть работа, некоторым из нас нужно рано вставать. И не говори глупостей – я никак не могу передвинуть свою кровать, сама посмотри, как мало у меня места».

Еще один взгляд на часы. Я проснулась девять минут назад. Включаю прикроватную лампу и, перебросив ноги через матрас, поднимаюсь и приоткрываю окно. Просунув руку в щель, – дождь жадно облизывает мою теплую кожу, – я беру металлическую чашку и ставлю ее на подоконник. Дождевая вода гораздо лучше, чем вода из-под крана.

Я делаю несколько небольших глотков, сажусь в позу полулотоса и дожидаюсь щелчка стиральной машины – конца полного цикла и начала *моего* отдыха.

Я должна заниматься медитацией – как я себе неустанно

обещаю, – потому что истинная правда Божья такова: шум не злил бы меня так сильно, если бы я смогла убедить себя, что мне нравится моя соседка. Это изменило бы все. Я бы сказала себе: бедная Верити, разве она мало работает? Поздно возвращается из ресторана, стирает белье, возвращается на работу в середине дня, пытаюсь хоть как-то самоутвердиться. Она не ищет легких путей, как многие другие. Она могла бы жить на пособие по безработице, довольствоваться средней зарплатой, получать доход на стороне, что не запрещено законом. Но Верити это не интересует. Она готова много работать. Может даже рискнет и откроет собственный ресторан.

Я тоже не ищу легких путей, у нас это общая черта. По правде говоря, мы могли бы стать родственными душами.

Щелк.

Слава богу.

Протянув руку, чтобы выключить лампу, я колеблюсь и смотрю в потолок. Наверху ходит Роули. За шумом стиральной машины я не слышала его шагов. Он всю ночь бродит по своей квартире, скрипя половицами. Знаете, Роули меня не раздражает. У него бессонница. Или, по крайней мере, он предпочитает работать, когда все остальные спят. Он относится к написанию песен как к своей работе, но это *не* работа. Так Роули себя хоть чем-то занимает. Дело в том, что он красивый парень, и мне нравится думать о том, как он шагает по комнате, сочиняя блестящие тексты. При этом он еще и заботливый: прекратил носить ночью обувь, когда я сказала,

что слышу его шаги. Время от времени парень увлекается – отбивает ритм, стуча по столу. Вот такие звуки я слышу посреди ночи. Но даже это меня не раздражает. Роули – просто душка.

Ради хорошей кармы мне нужно сказать себе, что Верити, несмотря ни на что, добросовестный человек, я должна ею восхищаться. Я смогу переубедить себя в том, что она не из тех особ, кому на всех плевать. Когда я услышу звук ее стиральной машины завтра ночью, я скажу... Мне нужна новая молитва. Знаю. Я скажу... что здорово жить рядом с таким источником энергии. Она – само вдохновение.

* * *

Я провожу окончательную проверку всех моих занятий – возрастные группы, занятия в помещении и занятия спортом на открытом воздухе. Это настоящий микс, который сегодня заканчивается дневной сессией бегунов по пересеченной местности. Даже если в течение дня погода улучшится, из-за ливня минувшей ночи я приеду домой вся в грязи. Я тщательно упаковала цветные жилеты для двух команд, пластиковые конусы для бега и дриблинга, пять мячей и свою сменную обувь и тренировочный костюм. Я опускаюсь на колени и застегиваю молнию раздувшейся сумки до конца, а мой браслет вибрирует. Пришло сообщение: «Голосование закрывается через четыре часа». Черт. Я еще не сделала свой

выбор!

В течение следующего часа обещают морозящий дождь, поэтому я выхожу на автобусную остановку пораньше. Я иду по дорожке через парк. Меня перекашивает от веса тяжелой, под завязку набитой вещами сумки, и, проходя перед окнами нашей роскошной многоэтажки, я как всегда чувствую себя неловко. Конечно же, это притворство. В свое время все здание служило жилищем для десятка-другого богатых семей, живущих на широкую ногу в нескольких высоких таунхаусах. Но теперь внутренние помещения разделены на 255 квартир-студий. Каждый раз, идя по тропинке, я смотрю на эту постройку и наслаждаюсь ее красотой, а отношения с соседями уходят на дальний план.

Роули стоит в конце садовой дорожки, засунув руки в карманы, и смотрит в небо. Я следую его взгляду, но ничего не вижу.

– Роули? – зову я. – У тебя разве нет аллергии на утренний воздух?

Он делает три шага к краю сада, останавливается под ветвью вишневого дерева и смотрит на крону. Не глядя на меня, он говорит:

– О, ты знаешь... У меня творческий кризис. Хочу написать о том, как дождь падает на листья. О звуках проходящей дождевой тучи. Что ты слышишь, когда вслед за первой падающей каплей дождя, преследуемой другими, разрастается бурный, непрерывный звук ливня?

– Как звучит дождь? Я скажу тебе, Роули. Когда я, промокшая насквозь, бегу с детьми, он звучит так: «хлюп-хлюп».

Он улыбается, но не отрывает взгляд от дерева и листьев.

– Как ты проголосовал? – спрашиваю я. – Я целую неделю не могу сделать выбор.

– За первый вариант. Я всегда выбираю первый вариант.

Я смотрю на него так, словно в первый раз увидела. Он всегда голосует одинаково? Какой бы ни был вопрос референдума? Да он ненормальный. Кто бы мог подумать?

– Но почему ты так делаешь, Роули? – спрашиваю я и слышу в своем голосе грусть.

Он меня не слушает. Я делаю короткий шаг к воротам сада, но сразу же отскакиваю назад и говорю:

– Ты *всегда* выбираешь первый вариант? Чего ты этим добьешься? – спрашиваю я и почти недоверчиво смеюсь. Но на самом деле я в растерянности. Разве он не понимает, что я заметила проблеск его *настоящей* сущности?

Он смотрит на меня и хмурится.

– Экономлю время. Не хочу забивать голову бессмысленными вещами. Во всяком случае, это всего лишь один голос. Какое он имеет значение? – говорит он, задирая голову. – Смотри. Похоже, будет дождь. Как думаешь?

– Разве ты не хочешь изменить ситуацию, Роули?

Его плечи подрагивают от смеха.

– Все равно это бесполезно, разве нет? Помнишь, какой

разгромный был результат, когда на голосование поставили повторное открытие туннеля под Ла-Маншем? Три года назад? Ну, так ведь он все еще закрыт, не так ли?

– Но если ты не относишься к этому серьезно, то тебе вообще не стоит голосовать.

– И потерять льготы?

* * *

Я вхожу в автобус и сажусь там, где хорошо виден экран с новостями. Я приму решение, прежде чем доберусь до школы. На бегущей строке то и дело повторяется: «Проголосуйте сегодня до 13:00. Новые варианты льгот избирателей». Я вполне довольна бесплатным проездом. За него голосует большинство.

На экране группа из четырех экспертов излагает свое мнение по референдуму.

Вариант первый: осужденным, приговоренным к пожизненному заключению, будет предлагаться эвтаназия.

Вариант второй: осужденным, приговоренным к пожизненному заключению, не будет предлагаться эвтаназия.

В любом случае, я смогу себя убедить. На прошлой неделе я делала это несколько раз, меняя варианты. Оба выбора меня вполне устраивают. А это значит... Я проголосую по наитию. Так, как мне подскажет сердце. Я откидываюсь на спинку сиденья. Некоторых людей действительно волну-

ет этот вопрос, и ради них я обязана принять мудрое, нравственное решение. Это моя гражданская ответственность. На экране появляется реклама. Мой браслет вибрирует. Подсказка, подсказка.

Роули такой... легкомысленный. Держу пари, что он голосует, когда варианты выбора на референдуме только-только появляются. Я захожу в приложение HandsUp и голосую за второй вариант. Мне нужно свести на нет цинизм Роули. Получаю автоматический ответ: «Благодарим за Ваш выбор!»

Это нечестно. Каждое воскресенье вечером я выкраиваю один час, чтобы рассмотреть аргументы за и против. И слушаю ночные дебаты. Если Роули не участвует в голосовании должным образом, он, черт его возьми, не должен пользоваться бесплатным проездом. Теперь я знаю его истинную натуру и представляю, как он смеется надо мной и моим ответственным подходом. Но что *он* делает со своей жизнью? Что он делает для людей, для нашей нации?

Я должна спросить у него: хотя бы одну из твоих песен записали? Хоть кто-нибудь когда-либо пел твои песни? Готова поспорить, что нет.

Когда люди голосуют против работы, реальной и оплачиваемой, возникает проблема. Они получают среднюю *дармовую* зарплату и с презрением смотрят на людей вроде меня. Как будто мы алчные сребролюбцы. Им нравится думать, что они в какой-то мере выше всего этого. Меня тошнит от их притязаний. Это просто смешно. Жаль, что я не могу за-

крыть уши, всякий раз слыша, что это «единственный способ выкроить время для моего творчества». Все они бездельники, как и Роули.

Слушать капли дождя! Боже мой, с этим невозможно смириться.

* * *

Крытый спортивный зал забронирован на двоих. Хоть я и приехала первой, другой учитель получает приоритет, потому что его дети младше. Я напоминаю себе: если тебе предоставили возможность выбора, всегда работай с младшей группой. И не надейся, что автоматическая система бронирования застрахована от человеческих ошибок.

Моя мама говорит, что, когда она была маленькой, в июне всегда обещали солнечную погоду. Она знает это наверняка, потому что ее день рождения приходится на июнь. Вы помните какая погода была в ваш день рождения? Нет? Во всяком случае, я на месте. Еще один дождливый июньский день, и я, насквозь промокшая, с группой десятилетних детей. Дождь их, похоже, совершенно не волнует, они получают настоящее удовольствие, играя в догонялки и тому подобное. Лично я не думаю, что детям нужны состязательные виды спорта – легкая атлетика, игры с мячом, плавание. Пока они бегают, это самое главное. Поддерживайте их активность полдня пять раз в неделю – здоровое тело, здоровый

образ мышления и т. д., – и Национальная служба здравоохранения исправится. Почему понадобилось столько времени, чтобы это понять? Зачем пичкать детей знаниями, которые они никогда не будут применять во взрослой жизни?

Вообще, на прошлой неделе я читала в Интернете, что в прежние времена для большинства служащих единственным занятием, во время которого они испытывали повышенное сердцебиение, был секс. Только он и поддерживал в них жизнь. Вполне правдоподобно, потому что моя мама, которая до того, как выбрать среднюю зарплату, работала оператором колл-центра, всегда жалуется на обязательные упражнения. Она выполняет минимум телодвижений и начинает ныть, если занятие длится хотя бы на пять минут дольше. И нисколько не извиняется за свое недомогание. У нее нет чувства стыда. Она просто этого не замечает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.